ФИНЛЯНДСКІЙ ВОПРОСЪ

съ

ЮРИДИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

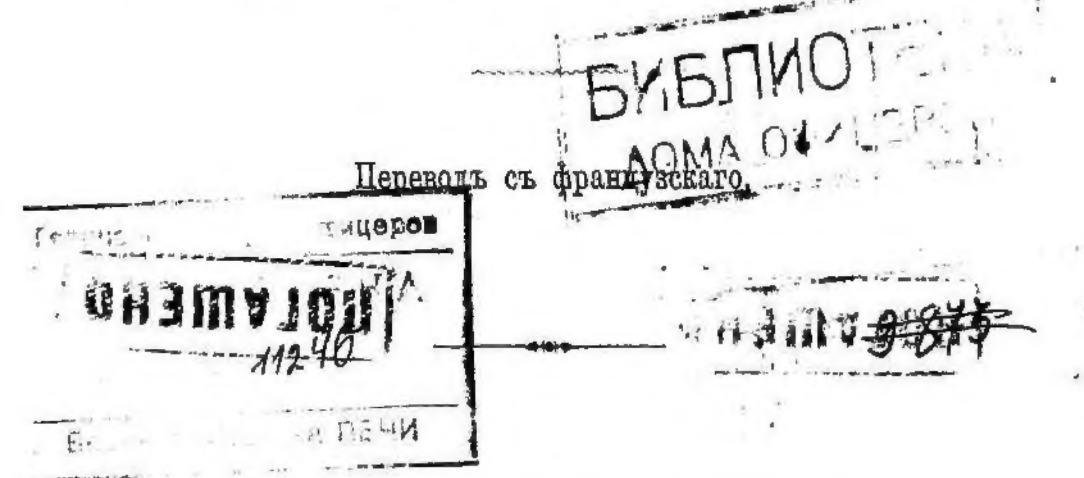
Изслѣдованіе

Франца Деспанье,

Профессора международнаго права въ Бордоскомъ
Университетѣ и Члена Института международнаго
права какъ и международнаго колоніальнаго института.

Съ выводами сего изслѣдованія согласились слѣдующіе профессора
международнаго и государственнаго права при французскихъ университетахъ:

Ж. Обри, Луи Бардъ, Еженъ Баррэмъ, Людовикъ Боше,
Р. Бёданъ, Леонъ Дюги, А. Гэраль, Ш. де Лажюди,
Х. Муленъ, М. Муаи, П. Пикъ, ф. Сюрвиль, Ж. Тэмбаль.

Переводъ съ французскаго.

Берлинъ 1901 г. Изданіе Іоганъ Реде.

Финляндскій Вопросъ

съ юридической точки зрѣнія.

Однимъ изъ наиболѣе поразительныхъ фактовъ нашего времени является обращеніе націй, угнетаемыхъ — все равно — чужимъ ли государствомъ, или правительствомъ, отъ котораго онѣ непосредственно зависятъ, — къ цивилизованнымъ народамъ съ изложеніемъ претерпѣваемыхъ ими преслѣдованій, съ призывомъ стать судьями въ дѣлѣ ихъ попранныхъ правъ.

Такое обращеніе является иногда крикомъ страданія, наводящимъ ужасъ на насъ и возмущающимъ насъ, какъ напр., стоны отчаянія угнетенной Арменіи, причемъ, наша жалость и наше негодованіе не могутъ, однако, побѣдить небрежность или эгоистическую угодливость государствъ, ставшихъ, вслѣдствіе взаимнаго недовѣрія, соучастниками преступленій кровожаднаго Султана. Иногда, въ случаѣ настоящаго военнаго столкновенія двухъ націй, какъ напр., въ борьбѣ Испаніи съ Соединенными Штатами, или Великобританіи съ Южно-Африканскими Республиками, это — протестъ, если не противъ варварства и жестокихъ актовъ фанатизма, то противъ несправедливости войны, предпринятой съ цѣлью ограбленія слабаго сильнымъ. Случается также, что народность, составляющая по численности или силѣ меньшинство въ данномъ государствѣ, жалуется на то, что въ политическомъ управленіи страны и въ отношеніи пользованія правами не занимаетъ слѣдуемаго положенія:

таковы, напр., суть обращенныя ко всей Европѣ мемуары румынъ Трансильваніи по поводу притѣсненій венгерскаго правительства.

Не трудно, однако, замѣтить, что въ различныхъ, приведенныхъ нами, случаяхъ, если и можетъ быть поднятъ вопросъ о правѣ тѣхъ, кто аппеллируетъ къ суду иностранцевъ, то въ основѣ такихъ протестовъ лежитъ, главнымъ образомъ, чувство гуманности или справедливости. Юридическая проблема, если она и ставится, то занимаетъ лишь второстепенное мѣсто: на первый планъ выступаютъ соображенія высшей справедливости. Въ дѣйствительности, какъ бы ни была значительна роль правовѣдовъ въ вопросахъ, такимъ образомъ возбуждаемыхъ, какъ напр., относительно войнъ испано-американской, или трансваальской, тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что въ этихъ случаяхъ аппеллируютъ больше къ коллективной совѣсти человѣчества, чѣмъ къ его разуму, поскольку онъ выразился въ правовыхъ положеніяхъ, имъ выработанныхъ. Этимъ и объясняется, почему такіе вопросы вызвали столь могучій потокъ мнѣній внѣ тѣснаго круга публицистовъ-спеціалистовъ: естественная справедливость — достаточно надежный критерій, и безъ всякихъ юридическихъ знаній, въ сужденіяхъ о томъ, что̀ противно человѣческой совѣсти.

Финляндскій вопросъ носитъ особый характеръ. Онъ не представляетъ тѣхъ актовъ насилія, которыя способны поднять на ноги весь цивилизованный міръ, какъ это сдѣлали, напр., армянскія дѣла; онъ не вызвалъ, какъ конфликтъ Испаніи съ Соединенными Штатами, или Великобританіи съ Южно-Африканскими Республиками, открытой войны, поражающей воображеніе и по-

буждающей народныя массы нейтральныхъ странъ стать на сторону тѣхъ или другихъ. Являясь результатомъ политики спокойной, предательской и постепенной, онъ, повидимому, не заключаетъ въ себѣ ничего, что могло бы вызвать взрывъ великодушныхъ чувствъ и горячихъ симпатій внѣ круга тѣхъ, кого онъ непосредственно касается. Большая публика видитъ здѣсь только перемѣны административнаго характера, относящіяся цѣликомъ къ области внутреннихъ вопросовъ Россіи, и мнѣніе цивилизованныхъ націй — на вліяніе котораго теперь такъ расчитываютъ, если судить по аппелляціямъ, предъявляемымъ ему жертвами беззаконія въ разныхъ государствахъ — не считаетъ себя обязательнымъ принимать по отношенію къ финляндскому вопросу такого же рѣшительнаго положенія, какое оно приняло въ случаяхъ, упомянутыхъ выше. — Нельзя сказать, чтобы акты этого процесса не были широко распространены и въ публикѣ и въ печати разныхъ странъ; всѣ важные документы по данному вопросу были опубикованы на французскомъ языкѣ.[1] Но не говоря уже объ извѣстной политической осторожности, на которой не мы будемъ настаивать и которая вліяетъ на направленіе общественнаго мнѣнія въ разныхъ странахъ, обусловливаясь или симпатіями, возникающими изъ союзовъ, или страхомъ международныхъ осложненій, — не касаясь этой стороны дѣла, мы должны замѣтить, что массы

[1]) См. въ особенности: *La constitution du Grand Duché de Finlande* и *Réponses des Etats aux propositions impériales concernant le service militaire personnel.* — Paris, Société nouvelle de librairie et d'édition, 1900; *Réponse à la brochure officielle „Le manifeste impérial du 3 février 1899 et la Finlande“*, 1899; *„Chronique de Finlande“*, — періодическое изданіе, публикуемое въ Парижѣ съ 13го марта 1900го года.

вообще не способны заинтересоваться — если только нѣтъ прямыхъ жертвъ — правонарушеніями, не доходящими до грубаго захвата территоріи или истребленія слабыхъ и побѣжденныхъ. И вотъ почему только въ Швеціи, гдѣ солидарность съ финляндцами естественно должна была выказаться, и состоялся народный митингъ противъ дѣйствій Россіи[1]), между тѣмъ какъ митинговъ, высказавшихся за Испанію противъ Соединенныхъ Штатовъ и за Трансвааль противъ Англіи, было столько, что имъ и счетъ потерянъ.[2])

Надо обладать тонкимъ и рѣдкимъ пониманіемъ исторической правды, возвышенной чуткостью къ правамъ народности, желающей сохранить свои національныя учрежденія, которыя она, прежде чѣмъ войти въ составъ другого народа, нарочито обезпечила за собой; надо обладать яснымъ взглядомъ на то, чтó для этой народности существенно важно и священно — съ точки зрѣнія матерьялной или нравственной — для продолженія своего бытія въ качествѣ автономной націи, имѣющей собственныя традиціи и развивающейся сообразно своему собственному національному духу, чтобы понять всю важность правительственнаго рѣшенія, которое, не касаясь, повидимому, ни имущественныхъ, ни личныхъ правъ тѣхъ кого оно имѣетъ въ виду, тѣмъ не менѣе, лишаетъ ихъ жизни, какъ коллективной единицы, и принадлежащей имъ роли въ совмѣстномъ активномъ

---

[1]) Общественное мнѣніе по поводу происходившихъ въ Финляндіи событій было выражено на многолюдныхъ собраніяхъ также и во многихъ другихъ странахъ, какъ наприм., въ Голландіи, Англіи и проч. Прим. перев.

[2]) Митингъ въ Стокгольмѣ 26:го марта 1899 г. См. газ. „Temps“ отъ 5 : го апрѣля 1899 г.

стремленіи людей къ прогрессу, словомъ, — отнимаетъ у нихъ ихъ національную индивидуальность. Чтобъ на основаніи такихъ данныхъ составить себѣ опредѣленное мнѣніе, нуженъ извѣстный уровень культурности, составляющій удѣлъ лишь немногихъ. Только въ средѣ избранной интеллигенціи можно было, поэтому, собрать въ пользу Финляндіи 1050 протестующихъ голосовъ: интересная цифра рядомъ, напр., съ тысячами именъ тѣхъ дѣтей въ Соединенныхъ Штатахъ, которыя поручили одному юному телеграфисту передать ихъ симпатіи Президенту Крюгеру.[1])

Французскій адресъ былъ покрытъ именами ученыхъ, политическихъ дѣятелей, историковъ, юристовъ, литераторовъ и артистовъ, желавшихъ, по выраженію Анатоля Франса, „поддержать великое дѣло, которое, будучи дѣломъ цѣлаго народа, должно интересовать всѣ народы, если только существуетъ солидарность человѣчества." Подписывая этотъ адресъ, Д. Лависсъ, герцогъ де Брольи, Гастонъ Пари, Фальгіеръ, Ліон-Сенъ, де Порто-Рищъ, Анатоль Франсъ и др. имѣли въ виду спасти отъ паденія, какъ національности, живой коллективности, свободнаго очага западной цивилизаціи, представляющаго ежедневно массу доказательствъ того, насколько

---

[1]) По иниціативѣ извѣстнаго изслѣдователя Норденшельда, Царю должны были быть поднесены 12 адресовъ изъ разныхъ государствъ делегаціей, состоявшей изъ слѣдующихъ лицъ: Норденшельда отъ Швеціи, Трарье отъ Франціи, Брюза отъ Италіи, Бреггера отъ Норвегіи, Ван-дер-Флюгта отъ Голландіи и Норманъ-Ханзена отъ Даніи. Делегаты не были приняты Царемъ. (см. „Journal des Débats" отъ 9го іюля и „Temps" отъ 12:го іюля 1899:го г.) Имъ отвѣтили, что они могутъ обратиться къ услугамъ почты. Путешествіе этой делегаціи описано въ брошюрѣ Ван-дер-Флюгта „Pour la Finlande" изданной общ. „l'Humanité nouvelle". Paris, 1900.

онъ блестящъ и въ тоже время плодотворенъ, съ точки экономической, научной, литературной и художественной.[1])

На каждой страницѣ исторіи мы видимъ исчезновеніе этихъ коллективностей, какъ юридическихъ единицъ — исчезновеніе, совершающееся, впрочемъ, естественнымъ путемъ и, такъ сказать, на законномъ основаніи — въ силу международныхъ отношеній, или преобразованій въ образѣ правленія, направленныхъ въ сторону бо́льшей централизаціи власти. Чтобы не оставаться передъ подобными фактами въ области однихъ только безплодныхъ сожалѣній, чтобы обосновать и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать дѣйствительными протесты, вызываемые такими актами, — надо установить прежде всего фактъ незаконности этихъ поглощеній, уничтожающихъ существованіе, какъ отдѣльной коллективности, той или другой вѣтви человѣчества, — не рѣдко въ ущербъ дѣлу всей цивилизаціи.

Всякій вопросъ подобнаго рода является неизбѣжно вопросомъ права: права международнаго, поскольку дѣло идетъ о включеніи одного государства въ другое; право внутренняго государственнаго, поскольку дѣло касается разрушенія автономіи, гарантированной извѣстной части государства.

Особенность финляндскаго вопроса составляетъ то, что онъ можетъ быть разсматриваемъ и съ точки зрѣнія международнаго, и съ точки зрѣнія русскаго государственнаго права. Трудностью и сложностью этой двойной юридической проблемы объясняется въ значи-

---

[1]) См великолѣпное изданіе: La Finlande au XIXe siècle, décrite et illustrée par une réunion d'écrivains et d'artistes finlandais, Helsingfors, 1900 in 4°.

тельной степени фактъ, почему возбужденіе, вызванное финляндскимъ вопросомъ въ общественномъ мнѣніи цивилизованнаго міра, осталось сравнительно ограниченнымъ. Чтобы съ достаточной компетентностью судить о данномъ вопросѣ, нужны спеціальныя знанія, которыхъ нѣтъ у массъ, и которыя даже трудно преподать имъ такъ, чтобы онѣ могли быть ими быстро и легко усвоены, какъ тѣ простыя истины международнаго права, которыя приводились во время войны испано-американской или трансваальской, тѣмъ болѣе, что эти знанія далеко не могутъ имѣть на публику такое же вліяніе, какое имѣютъ великодушныя чувства и инстинктивныя симпатіи къ слабымъ противъ сильныхъ. Впрочемъ, нужно и то сказать, что относительно Финляндіи у большой публики вообще очень мало свѣдѣній: ея исторія, ея права, условія, при которыхъ она ихъ сохраняла со времени своего присоединенія къ Россіи, все это слишкомъ мало извѣстно. Наконецъ, здѣсь отсутствуетъ еще одинъ элементъ, для многихъ замѣняющій настоящія права, юридически обоснованныя; элементъ этотъ — кровавая тиранія, жестокія преслѣдованія въ родѣ тѣхъ, что такъ долго, хотя, въ концѣ концовъ, и безполезно поддерживали сочувствіе всего цивилизованнаго міра къ Польшѣ, давая ей нравственную поддержку.

Но для законовѣда попранное право уже въ самомъ себѣ заключаетъ все могущество протеста, которое беретъ верхъ надъ всѣми соображеніями политики, не обращая вниманія на разныя уловки и видимую умѣренность людей, попирающихъ право. Законовѣдъ борется за это право, цѣня его разумность и внутреннее достоинство. Впрочемъ, эта борьба за право, эта Kampf

ums Recht, которую такъ энергично проповѣдывалъ фонъ-Игерингъ, не есть лишь безплодное удовлетвореніе, даваемое юридическимъ концепціямъ разума: это въ тоже время защита всего самаго благороднаго, самаго дорогаго и, быть можетъ, наиболѣе истиннаго въ человѣчествѣ. Если она ведется безпристрастно, то становится наивысшимъ выраженіемъ нравственной солидарности, долженствующей приблизить людей къ царству истины и справедливедливости.

Болѣе того, освобожденное отъ всякаго случайнаго предубѣжденія, отъ вліяній международной вражды, или симпатіи, отъ страстей, возбуждающихъ великодушный энтузіазмъ, но зато и заставляющихъ принимать необдуманныя рѣшенія, — чисто юридическое обсужденіе усложненія, раздѣлившаго два народа, выигрываетъ въ авторитетности то, что теряетъ въ пылкости. Если въ такихъ случаяхъ высказываются за болѣе слабаго, то это лишь потому, что право его вѣрнѣе, а не по слѣпому великодушію; и если осуждаютъ болѣе сильнаго, то лишь на основаніяхъ, исключительно юридическихъ, по сужденію иностранныхъ спеціалистовъ, высказывающихъ свое мнѣніе о разсмотрѣнныхъ актахъ съ точки зрѣнія научной, не входя въ оцѣнку политической стороны дѣла, критиковать которую у нихъ нѣтъ ни желанія, ни даже, можетъ быть, и права.

Эти безпристрастныя сужденія, касающіяся лишь вопросовъ права и не затрогивающія вовсе державной самостоятельности народовъ — въ отношеніи направленія, какое они даютъ своей внутренней или международной политики — одни только могутъ, безъ призыва къ силѣ, внушить должное уваженіе къ справедливости. Ихъ должно ратификовать добровольное согласіе страны,

убѣдившейся въ своей неправотѣ, и могущей въ томъ признаться безъ ущерба своему достоинству или самолюбію, даже самому щекотливому, потому что дѣло идетъ только объ ошибкѣ — явленіи фатальномъ какъ для самыхъ большихъ коллективностей, такъ и для отдѣльныхъ индивидуумо́въ — и вовсе не затрогивается вопросъ о порицаніи ея поведенія съ нравственной точки зрѣнія. Только разсматривая конфликты между націями въ ихъ юридическомъ, такъ сказать, отвлеченіи, можно надѣяться на ихъ разрѣшеніе мирнымъ путемъ: третейскимъ-ли судомъ, или международнымъ ареопагомъ, объ учрежденіи котораго ходатайствовалъ фонъ-Баръ послѣ Гаагской конференціи по поводу войны противъ буровъ и руссификаціи Финляндіи.[1])

Во всякомъ случаѣ, только одушевленные этими идеями, мы рѣшили сдѣлать оцѣнку, чисто юридическую, недавнихъ рѣшеній царя, результатомъ которыхъ явилось или скоро должно явиться уничтоженіе національныхъ учрежденій и автономіи Финляндіи, несмотря на клятвенныя обѣщанія поддерживать ихъ, торжественно данныя много разъ государями Россіи.

Съ перваго взгляда можетъ показаться излишнимъ приниматься снова за обсужденіе вопроса, бывшаго уже предметомъ многочисленныхъ и основательныхъ изслѣдованій. Независимо отъ общихъ сочиненій по международному и государственному праву, въ которыхъ трактуется объ особенномъ положеніи Финляндіи, въ соеди-

---

[1]) Von Bar, der Burenkrieg, die Russificirung Finnlands, die Haager Friedensconferenz und die Errichtung einer internationalen Academie zur Ausgleichung von Streitigkeiten der Staaten, Hannover, 1900. Война съ бурами, Руссификація Финляндіи, Мирная конференція въ Гаагѣ, и учрежденіе международной Академіи для рѣшенія конфликтовъ между государствами.

невіи съ Россіею; независимо отъ монографій, спеціально написанныхъ по этому предмету до недавнихъ законодательныхъ новшествъ русскаго правительства[1]), царскій манифестъ отъ 3/15 февраля 1899 года вызвалъ массу изслѣдованій, казалось, совершенно исчерпавшихъ данный вопросъ.[2]) Однако, и не повторяя доводовъ, по большей части вполнѣ справедливыхъ, высказанныхъ

---

[1]) См. въ особенности: Danielson, Finlands Vereinigung mit dem russischen Reiche (Соединеніе Финляндіи съ Россійской Имперіей, — въ отвѣтъ на книгу Ордина, „Завоеваніе Финляндіи"), Гельсингфорсъ, 1891; Mechelin, — „Das Staatsrecht des Grossfürstenthums Finnland" (Государственное право Великаго Княжества Финляндскаго въ Handbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart, de Marquardsen, IV); Mechelin, — La question finlandaise, Revue politique et parlementaire, 1898, p. 186.

[2]) Мы будемъ, главнымъ образомъ, здѣсь цитировать: на французскомъ языкѣ — „La situation politique de la Finlande", Rev. de droit intern. et de legislat. comp., 1900, p. 5523; на англ: языкѣ: Westlake, The case of Finland, — The national Review, mars 1900, p. 111; Joseph R. Fischer, Finland and the Tsars, 1809—1899; Londres 1899; на нѣмецкомъ языкѣ — von Getz, — Des Staatsrechtliche Verhältniss zwischen Finnland und Russland, Leipzig, 1900; Ein Beitrag zur Beurteilung der staatsrechtlichen Stellung des Grossfürstenthums Finnland, Главныя положенія книги Профессора Р. Германсона, о государственномъ положеніи Финляндіи (на шведскомъ языкѣ) Leipzig 1900. Conrad Bornhac, Leipzig, 1900, Russland und Finnland; das Recht Finnlands und seine Wehrpflichtfrage. Leipzig 1900. См. также брошюру: Le coup d'Etat en Finlande. — Послѣ того, какъ наше сочиненіе было написано, появился этюдъ Pittet и Delpech'a, — „La question finlandaise, le manifeste du Tsar examiné ou point de vue du droit international, въ Revue générale de droit international public, mai - juin 1900, и другая работа ван-дер-Флюта „Le conflit finlandais envisagé au point de vue juridique, Paris, 1900, изданіе l'Humanité nouvelle. См. также консультацію, подъ заглавіемъ: Die finnische Frage профессоровъ государственнаго права Оппенгейма (въ Лейденѣ), Рейгера (въ Гронинге) de Louter'a (въ Утректѣ), de Hartog'a (въ Амстердамѣ) въ Archiv für öffentliches Recht, 1900, p. 435.

предшествовавшими намъ публицистами, мы, тѣмъ не менѣе, не считаемъ невозможнымъ найти въ финляндскомъ вопросѣ такія стороны, которыя, если и не новы, то, во всякомъ случаѣ, мало изслѣдованы, и болѣе основательное изученіе коихъ, быть можетъ, будетъ въ состояніи пролить полный свѣтъ на эту важную и интересную проблему.

Не останавливаясь на исторіи отношеній Финляндіи къ Россіи, — исторіи, излагавшейся такъ полно и такъ часто, мы возьмемъ изъ нея лишь то, что абсолютно для пониманія юридическихъ объясненій, къ которымъ мы намѣрены приступить, съ точки зрѣнія международнаго права, а также и внутренняго, государственнаго права Россіи.

I.

Историческія событія, на которыхъ зиждется правовое положеніе Финляндіи, относятся къ тремъ періодамъ: первый — это періодъ союза со Швеціей, второй — союза съ Россіей послѣ 1809:го года съ признаніемъ царями финляндской автономіи, третій — современный періодъ, отправнымъ пунктомъ котораго является манифестъ императора Николая II-го отъ 15-го февраля 1899 года, ведущій къ уничтоженію автономіи.

Покоренная шведами въ XII и XIII ст., обращенная ими въ христіанство, Финляндія съ XIV вѣка сдѣлалась одной изъ шведскихъ провинцій и стала управляться по той же конституціи и по тѣмъ же законамъ, что и другія части Швеціи. Однако, въ силу самой природы вещей, географическаго положенія, различія расы, языка, нравовъ, а отчасти и экономическихъ интересовъ, Финляндія всегда разсматривалась — фактически, и до

извѣстной степени даже юридически — какъ „отдѣльная территоріальная единица“, несмотря на то, что съ точки зрѣнія конституціонной, административной и правовой она являлась составной частью Швеціи. Особенность эта выражалась особенно ярко въ области военной организаціи — такъ какъ защита Финляндіи была, собственно, ввѣрена мѣстной милиціи; — въ особомъ подраздѣленіи — на шведовъ и финляндцевъ — упоминаемомъ въ законахъ, для нихъ, впрочемъ, общихъ; наконецъ, — въ дарованіи въ 1581 году титула „Великаго Княжества“. Эти обстоятельства очень важно запомнить, такъ какъ они показываютъ, что положеніе, данное Финляндіи со времени ея включенія въ Россійскую Имперію въ 1809 году, не было послѣдствіемъ одной лишь доброй воли Императора Александра I-го, а представляло подтвержденіе, въ формѣ договора, какъ это мы впослѣдствіи установимъ, вѣковаго положенія вещей, признаннаго еще Швеціей.

Но въ силу своего топографическаго положенія, особенно же послѣ перенесенія русской столицы въ Петербургъ, Финляндія такимъ образомъ была обречена на соединеніе съ Россіей, стремившейся къ расширенію своихъ предѣловъ. Уже по Ништадтскому миру 30-го августа 1721 года Петръ Великій заставилъ уступить ему часть Финляндіи. Тѣмъ не менѣе, Россія хорошо чувствовала исключительность положенія Великаго Княжества, несмотря на принадлежность его Швеціи, и задолго до концессій, данныхъ ему въ 1809 году, повидимому, ясно сознавала, что съ Финляндіей слѣдуетъ обращаться не какъ съ простой шведской провинціей, съ которою, по завоеваніи, можно распоряжаться по своему усмотрѣнію, а какъ съ коллективностью, съ обособленнымъ существованіемъ, и что, присоединяя ее къ себѣ,

должно сохранить ей автономію и на будущее время. Дѣйствительно, въ 1742 году, манифестомъ отъ 16/28 марта, Императрица Елизавета предложила финляндцамъ признать ихъ страну независимымъ государствомъ, если они захотятъ отдѣлиться отъ шведскаго королевства. Финляндцы отвѣтили отказомъ. Послѣ побѣдоносной войны со шведами, Россія по мирному договору въ Або, заключенному 7:го августа 1743 года, пріобрѣла нѣсколько новыхъ частей Финляндіи, обѣщая жителямъ присоединенныхъ областей уважать ихъ законы, обычаи и религію. Позже, подъ предлогомъ, что шведскій Король Густавъ IV отказался отъ участія въ такъ назыв. континентальной системѣ, въ дѣйствительности же для завершенія дѣла расширенія границъ Россіи къ сѣверу, Александръ I:ый, 21:го февраля 1808 года, безъ всякаго объявленія войны, сдѣлалъ вторженіе въ Финляндію.[1] 20:го марта онъ объявилъ державамъ, что отнынѣ все, чѣмъ владѣла Швеція на финляндской территоріи, отходитъ къ Россіи, каковое дѣяніе, съ правовой точки зрѣнія, составляло грубую и беззаконную конфискацію, такъ какъ оно состоялось безъ объявленія войны и не являлось слѣдствіемъ трактата, который юридически оправдывалъ бы это присоединеніе. — Тѣмъ не

---

[1]) Интересно вспомнить по поводу этого событія письмо Наполеона I:го къ Императору Александру отъ 2:го февраля 1808:го года „Вашему Величеству невозможно — писалъ Наполеонъ, — удалить шведовъ отъ столицы и расширить въ этомъ направленіи границы Россіи, какъ то было бы Вамъ желательно.“ Однако, на Тильзитскомъ свиданіи въ 1807 году Наполеонъ объявилъ, что онъ согласенъ на предположеніе Александра захватить Финляндію. Въ видѣ компенсаціи Наполеонъ предлагалъ Россіи помощь своими австрійскими войсками, чтобы отнять у Англіи Индію. (Vers l'Inde par V. T. Lebedev, Revue bleue, 2. decembre 1899, p. 721).

менѣе, признавая, какъ и Елизавета въ 1742 году, совершенно исключительное положеніе финляндцевъ. Александръ I[й], манифестомъ 5/17 іюня 1808 года, гарантировалъ имъ сохраненіе *ихъ законовъ и привилегій*. Передъ самымъ вторженіемъ, 18:го февраля, финляндцамъ было предложено въ порядкѣ, предписанномъ для шведскаго парламента, прислать депутатовъ въ Або для совѣщаній съ Императоромъ о мѣропріятіяхъ, необходимыхъ для блага страны. Неудача этого шага и вызвала упомянутый выше манифестъ 17:го іюня, въ которомъ Императоръ выразился слѣдующимъ образомъ: „*старые законы и привилегіи вашей страны будутъ сохранены въ полной неприкосновенности*". Но несмотря на все это, враждебныя дѣйствія продолжались. Послѣ нѣсколькихъ успѣховъ, соединенныя шведско-финляндскія войска были разбиты при Торнео, и по конвенціи, заключенной въ Олькіоки 19:го ноября 1808 года, шведскія войска очистили Финляндію.

Между Россіей и Швеціей — верховной властительницей Финляндіи — не было рѣшено ничего опредѣленнаго относительно судьбы послѣдней. Однакожъ Александръ вступилъ въ прямые переговоры съ финляндцами, и какъ бы ни были неправильны эти переговоры, съ точки зрѣнія международнаго права, въ нихъ весьма настойчиво проводилась мысль, выраженная уже самимъ Императоромъ и его предшественниками, что Финляндія, несмотря на принадлежность къ Швеціи, всетаки, сохранила такое особое положеніе — и какъ нація, и какъ юридичеcкая единица, — которое позволяло ей самой рѣшать свою политическую судьбу.

Вслѣдъ за манифестомъ 17:го іюня 1808 года, бюли созваны представители финляндскихъ сословій для

дачи полезныхъ указаній относительно новой организаціи страны. 1:го декабря представители сдѣлали заявленіе, что они не имѣютъ достаточно полномочій для рѣшенія вопросовъ, подлежащихъ компетенціи только Сейма. Вслѣдствіе этого заявленія, Императоръ 1:го февраля 1899:го года приказалъ: „согласно законамъ страны созвать общій сеймъ на 22:е марта въ городѣ Борго". 15/27 марта 1809:го года Александръ I подписалъ актъ, который можно разсматривать, какъ основную грамоту финляндской автономіи и въ которомъ подлинно выражено слѣдующее: „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить Религію, коренные Законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные оное населяющіе отъ мала до велика по Конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи." 28 марта Александръ I торжественно открылъ Сеймъ и въ своей тронной рѣчи снова напомнилъ и подтвердилъ свои прежнія обѣщанія охранять законы и конституцію страны, права и привилегіи всѣхъ сословій вообще и каждаго гражданина въ частности. — 29:го, послѣ принесенія торжественной присяги на вѣрность Царю, какъ Великому Князю Финляндскому, актъ 27:го марта, постановившій о ненарушимомъ сохраненіи законовъ и конституціи Финляндіи, былъ врученъ Сейму.[1]) Затѣмъ, объявленіемъ отъ 23 марта

[1]) Согласно протоколу сословія духовенства, принесеніе присяги на вѣрность послѣдовало только *послѣ прочтенія* акта торжественнаго удостовѣренія Александра I^го^ отъ 15/27 Марта.

Прим. перев.

(4 апрѣля) всѣ жители Финляндіи были поставлены въ извѣстность объ этомъ актѣ. Наконецъ, при закрытіи Сейма, Царь еще разъ подтвердилъ свои обязательства, прибавивъ слѣдующія характерныя слова: „*Занимая отнынѣ мѣсто въ чредѣ народовъ*, подъ властію своихъ законовъ, онъ (финляндскій народъ) вспомнитъ о прежнемъ господствѣ лишь для того, чтобы развивать отношенія дружбы, когда миръ ихъ возстановитъ.“[1])

Эти послѣднія слова напоминаютъ о томъ, что было неправильно въ соглашеніи Царя съ его новыми подданными. Финляндцы, подъ давленіемъ обстоятельствъ, дѣйствовали, какъ совершенно самостоятельное политическое цѣлое, и распоряжались своей судьбой, даже не справляясь о мнѣніи своей неоспоримой верховной властительницы — Швеціи. Впрочемъ, это положеніе вещей, совершенно не допускаемое правомъ, было вскорѣ регулировано мирнымъ договоромъ, заключеннымъ въ Фридрихсгамѣ 17:го сентября 1809:го года. По статьѣ четвертой этого договора, Швеція окончательно уступила и передала Россіи Финляндію со всѣми ея угодьями. Статья же шестая гласила, что Король шведскій, принимая во вниманіе добровольно взятыя на себя Императоромъ Россіи обязательства охранять конституцію и законы Финляндіи, „тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго, впрочемъ, долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія-либо условія“.[2])

---

[1]) Въ оригинальномъ французскомъ текстѣ эта часть его рѣчи выражена слѣдующими словами: . . . . „Placé désormais au rang des nations, sous l'empire de ses lois, il ne se ressouviendra de la domination passée que pour cultiver des rapports d'amitié lorsqu'ils seront rétablis par la paix.“ . . . .

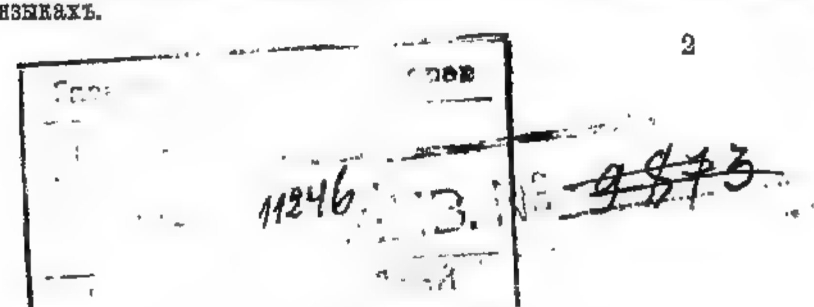
[2]) Цѣликомъ статья VI этого трактата гласитъ такъ: „Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies ayant donné déjà les

Такимъ образомъ присоединенная къ Россіи Финляндія сохранила — по выраженію Александра I-го, употребленному имъ въ актѣ 27-го марта 1809-го года, — „свои коренные законы.“ Что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ выраженіемъ?[1]) Въ теченіе долгаго времени не возникало никакого серьезнаго сомнѣнія относительно истиннаго значенія этихъ словъ. Всѣ понимали подъ ними совершенно ясно конституціонные законы, отвѣчающіе правовому положенію Финляндіи, какъ составной части Швеціи, съ той только разницей, что Императоръ русскій замѣнилъ Короля шведскаго въ его правахъ верховнаго властителя надъ Великимъ Княжествомъ по древней шведской Конституціи. Между тѣмъ въ послѣднее время пытались оспаривать такое значеніе словъ „коренные законы“, утверждая, что они вовсе не отвѣчаютъ понятію „конституціонные законы“, а обозначаютъ лишь „законы обычнаго права“ Финляндіи по вопросамъ имущественнымъ, гражданскимъ, административнымъ и религіознымъ. Въ числѣ аргументовъ приводилось, особенно, то соображеніе, что слово Конституція на языкѣ XVIII-го вѣка вовсе не имѣло того юридическаго зна-

---

preuves les plus manifestes de la clémence et de la justice, avec lesquelles Sa Majesté a résolu de gouverner les habitants du pays qu'Elle vient d'acquérir, en les assurant généreusement et d'un mouvement spontané du libre exercice de leur réligion, de leurs droits de proprieté et de leurs privilèges, Sa Majesté Suédoise se voit par là dispensée du devoir, d'ailleurs sacré, de faire des réservations là dessus en faveur de ses anciens sujets.“

[1]) См. Journal des Debats, 5 février 1896 года и приведенное сочиненіе Даніельсона, по нѣмецкому изданію, переведенному со стараго шведскаго изданія; есть также англійское изданіе: Finlands Union with the Russian Empire, with reference to M. K. Ordin's work: Finlands subjugation, и изданія на русскомъ и финскомъ языкахъ.

ченія, какое придается этому выраженію въ наши дни, а обозначало лишь опредѣленныя закономъ права состоянія, какъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, такъ и цѣлыхъ общественныхъ классовъ. Слѣдовательно, утверждать „коренные законы“, или „конституціи“ Финляндіи значило для Царя охранять лишь законы, опредѣляющіе права состоянія частныхъ лицъ и сословій страны, но ни коимъ образомъ не политическій режимъ ея, бывшій въ силѣ при шведскомъ владычествѣ.[1])

Хотя такое узкое толкованіе и было, повидимому, усвоено петербургскимъ правительствомъ, тѣмъ не менѣе оно встрѣтило живое опроверженіе даже со стороны русскихъ писателей и, по справедливости, признано было чистѣйшимъ крючкотворствомъ.[1]) Не будучи въ состояніи судить о томъ, насколько вѣрно переведены соотвѣтствующія русскія выраженія словами: lois primitives, lois fondamentales и даже lois constitutionelles, тѣмъ не менѣе, намъ кажется совершенно невозможнымъ серьезно спорить противъ того, что Александръ I[й] желалъ оставить Финляндіи всю совокупность законовъ, обезпечивающихъ ей сохранность того *политическаго режима*, который существовалъ при Шведскомъ владычествѣ.

Онъ гарантировалъ Финляндіи именно „lois fondamentales“ когда говорилъ по французски, а не по русски, какъ въ актѣ 27-го марта 1809-го года, — въ тронной рѣчи при открытіи Сейма 28-го марта и въ Своемъ манифестѣ финляндцамъ 23 марта (4 апрѣля) 1809-го года. 9-го іюля, при закрытіи Сейма, Онъ объявляетъ, говоря опять таки на французскомъ языкѣ, что народъ

---

[1]) См. сочиненіе Ордина: „Покореніе Финляндіи“, 1889 г. и критическій разборъ его въ „Réponse à la brochure officielle „Le Manifeste impérial du 3 février 1899 et la Finlande“, 1899, p. 8 et s.

финляндскій, „занимаетъ отнынѣ мѣсто въ чредѣ народовъ"; а въ день открытія Сейма 28-го марта 1809-го года, Онъ говорилъ: „Это собраніе составитъ эпоху *въ вашемъ политическомъ существованіи*". Напомнимъ еще слѣдующія деклараціи, сдѣланныя на французскомъ языкѣ: „Мы рѣшились управлять этою страною, какъ *свободнымъ народомъ*, пользующимся правами, обезпеченными за нимъ его *конституціей* ..... обезпечить за финскимъ народомъ *права его политическаго существованія*". (Манифестъ 27-го марта 1810-го года). Наконецъ, въ одномъ конфиденціальномъ письмѣ Александра отъ 14/26 сентября 1810-го года, содержатся слѣдующія характерныя слова: Намѣреніе мое при устройствѣ Финляндіи состояло въ томъ, чтобы дать народу сему *бытіе политическое*, чтобъ онъ считался не порабощеннымъ Россіи, но привязаннымъ къ ней собственными пользами; для сего сохранены ему не только гражданскіе, *но и политическіе его законы*". Для насъ, французовъ, эти деклараціи, сдѣланныя всѣ почти на нашемъ языкѣ, не оставляютъ мѣста никакимъ двусмысленностямъ, — по крайней мѣрѣ, для человѣка добросовѣстнаго. Монархъ, произносившій эти слова, не имѣлъ въ виду законовъ обычнаго права Финляндіи, какъ это хотѣли бы допустить теперь, но именно законы конституціонные, въ современномъ смыслѣ этого слова, которое Онъ отлично понималъ, какъ воспитанникъ швейцарца Лагарпа, посвятившаго его во всѣ тонкости французскаго языка, и Сперанскаго, совѣтами котораго былъ направленъ Его умъ далеко въ сторону отъ самовластія — на путь либеральныхъ реформъ.

Намъ не для чего, разумѣется, входить въ детали шведской конституціи, гарантированной Финляндіи. Ска-

жемъ только слѣдующее: *основные законы*, о которыхъ говорится въ актѣ Александра отъ 27-го марта 1809-го года, суть: актъ 21-го августа 1772-го года, о *формѣ правленія; актъ соединенія* и *безопасности*, измѣняющій предшествующій, отъ 21-го февраля и 3-го апрѣля 1789-го года.[1]) Политическій режимъ, вытекающій изъ этихъ актовъ, соотвѣтствуетъ по существу, такъ называемому. конституціонному режиму, отличительной чертой котораго является участіе представителей населенія въ учрежденіи новыхъ законовъ, въ измѣненіи или отмѣнѣ старыхъ и въ установленіи налоговъ. Можно, впрочемъ, резюмировать однимъ словомъ положеніе, гарантированное Финляндіи, сказавши, что она, даже послѣ присоединенія къ Россіи, продолжаетъ жить конституціонной жизнью; самодержавіе Императора ея не касается: одинъ и тотъ же верховный властитель, въ виду соглашеній 1809 года, является самодержавнымъ царемъ только въ Россіи; — для Финляндіи Онъ только Великій Князь, правящій ею при помощи представителей націи, — Сейма, безъ согласія котораго онъ не можетъ дѣлать никакихъ измѣненій въ *основновныхъ законахъ* страны, — другими словами — въ старинной конституціи ея.

Но для того, чтобы получить полное представленіе объ истинномъ положеніи Великаго Княжества Финляндскаго, нужно еще узнать — таково-ли оно теперь, какимъ создалъ его Александръ I. Взявши же нѣкоторые, наиболѣе характерные факты каждаго царствованія въ Россіи, начиная съ 1809-го года, не трудно увидѣть, что если автономія Финляндіи и не всегда проявлялась

---

[1]) См. цитированное раньше сочиненіе: „La constitution du grand Duché de Finlande", Paris. 1900.

очень дѣятельно, то, по крайней мѣрѣ, права ея всегда уважались и даже утверждались правительственными актами, не заключавшими въ себѣ ничего двусмысленнаго.

При Александрѣ I. управленіе Финляндіей было ввѣрено Правительствующему Совѣту, засѣдавшему сначала въ Або, а потомъ въ Гельсингфорсѣ, который сдѣлался столицей страны съ 1819-го года. На этотъ совѣтъ, организованный регламентомъ 6/18 августа 1809 года, была возложена обязанность править страною, по ея собственнымъ законамъ, именемъ Императора. По манифесту 9/21 февраля 1816 года, онъ былъ переименованъ въ „императорскій Финляндскій Сенатъ“, и обнародованіе этого манифеста сопровождалось слѣдующими, чрезвычайно важными, разъясненіями Императора:

„Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы, безъ нарушенія оныхъ, Мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи съ принадлежащими, на основаніи оныхъ, каждому финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимися земскими края сего чинами, и учредили особенное Правительство, подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта, составленнаго изъ коренныхъ финляндцевъ, который доселѣ управлялъ гражданскою частью края сего и рѣшалъ судебныя дѣла въ качествѣ послѣдней инстанціи, не зависѣвъ ни отъ какой другой власти, кромѣ власти законовъ и *сообра-*

зующейся съ оными Монаршей Нашей воли. Таковыми мѣрами оказавъ Наше доброе расположеніе, которое имѣли, и впредь будемъ имѣть къ финляндскимъ вѣрноподданнымъ Нашимъ, надѣемся Мы, что довольно утвердили на всегдашнія времена данное Нами обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего подъ Державою Нашею и Наслѣдниковъ Нашихъ".[1])

Еще одно, очень вѣское, доказательство содержится въ слѣдующихъ словахъ постановленія отъ 31-го декабря 1811-го года, которымъ части финляндской территоріи, отнятыя у шведовъ въ 1721 и 1743 г. г. и составившія Выборгскую Губернію, были вновь присоединены къ Финляндіи и подчинены одному съ ней управленію: „Порядокъ представленія всѣхъ сословій на Сеймѣ Государственныхъ Чиновъ учреждается въ Выборгской губерніи на общихъ правилахъ, въ конституціи Великаго Княжества Финляндіи опредѣленныхъ." Такимъ образомъ, въ какое бы время и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ присоединенія своего къ Россіи, финляндцы всегда признавались, какъ члены націи, совершенно отдѣльной, имѣющей свои особенности и право на свое особое управленіе. —

Подъ вліяніемъ ли духа реакціи, овладѣвшаго Императоромъ съ 1815-го года, или потому, что Онъ былъ занятъ организаціей гражданской службы въ Финляндіи — организаціей, которая могла быть проведена мѣрами административными, а не законодательнымъ путемъ, безъ созыва Финляндскаго Сейма — но Александръ I, дѣйствительно не созывалъ болѣе Сейма послѣ сессіи его въ Борго въ 1809 году. Но Онъ, по крайней мѣрѣ,

[1]) Помѣщено въ цитированномъ отвѣтѣ Земскихъ Чиновъ. Réponse des Etats, p. 275, 286.

и не пытался никогда отрицать его авторитетъ въ сферѣ законодательной. Напротивъ того, Онъ не разъ доказалъ, что признаетъ вполнѣ этотъ авторитетъ. Такъ, Онъ отложилъ до созыва Сейма и поставилъ въ зависимость отъ его одобренія, проектированныя измѣненія по слѣдующимъ вопросамъ: расквартированіе войскъ (регламентъ 31-го января 1812-го года), органическій законъ о дворянствѣ (1816 г.), законъ о духовенствѣ (1817 г.), о пожизненной ссылкѣ въ Сибирь (1826 г.), объ отмѣнѣ охраны сельской торговли (1823 г.).[1]

Въ сущности, Александръ I только злоупотребилъ Актомъ 21-го августа 1772 года о формѣ правленія, такъ какъ по этому Акту Сеймъ не собирается иначе, какъ по повелѣнію Великаго Князя (Ст. 38). Нечего было и надѣяться на то, чтобы Николай I, при Его хорошо извѣстной антипатіи къ конституціонному режиму, не воспользовался такой буквой этого Акта въ ущербъ его духу; и дѣйствительно, при Немъ Сеймъ не былъ созванъ ни разу. Тѣмъ не менѣе, однако-же, Онъ считалъ Себя какъ бы обязаннымъ обязательствами Своего предшественника, и манифестомъ 12/24 декабря 1825 года далъ финляндцамъ торжественное обѣщаніе хранить нерушимо ихъ основные законы и конституцію, согласно акту 27-го марта 1809-го года. Правда, нѣкоторыя рѣшенія, принятыя Имъ по отношенію къ Финляндіи, могутъ обсуждаться съ точки зрѣнія вторженія въ область законодательной власти Сейма; но въ большинствѣ такихъ случаевъ являлись сомнѣнія и Царь, конечно, истолковывалъ ихъ въ смыслѣ Своихъ монархическихъ прерогативъ. — Иногда Онъ косвенно признавалъ

---

[1]) См. цитир. соч. „Constitution du Grand Duché de Finlande“ введеніе, стр. 31 и 32.

права Сейма, объясняя Свои рѣшенія неотложной необходимостью и невозможностью ждать созыва Сейма. Такой именно характеръ имѣло его оправданіе по поводу манифеста 14-го августа 1827-го года о правѣ русскихъ православнаго вѣроисповѣданія, живущихъ и натурализовавшихся въ Финляндіи, поступать тамъ на военную и гражданскую службу, тогда какъ по статьѣ 1-ой Акта 1772 года это право принадлежитъ только лютеранамъ. Отмѣтимъ, наконецъ, что Онъ отказался отъ кодификаціи финляндскихъ законовъ, потому что коммиссія, которой была поручена эта работа, нашла, что для измѣненія законовъ страны, даже по формѣ, необходимо содѣйствіе Сейма; отказаться — значило, въ данномъ случаѣ, — признать законодательную власть Финляндскаго Сейма и склониться предъ нею.

Нормальная законодательная дѣятельность была возвращена Сейму только Александромъ II. Въ періодъ извѣстныхъ попытокъ реформъ, начавшійся съ 1859-го года, было сознано, что слѣдуетъ поступить законодательнымъ путемъ и созвать Сеймъ. 18-го сентября 1863 года Сеймъ былъ торжественно открытъ. Императоръ произнесъ при этомъ на французскомъ языкѣ рѣчь, изъ которой напомнимъ слѣдующее мѣсто: „Оставляя неприкосновеннымъ *принципъ конституціонной монархіи*, вошедшій въ нравы финскаго народа и запечатлѣвшій всѣ законы его и учрежденія, Я желаю расширить въ этомъ проектѣ право, принадлежащее уже сейму — опредѣлять размѣръ и количество налоговъ, равно какъ и предлагать проекты законовъ, которымъ пользовался сеймъ въ прежнее время . . . .“[1])

---

[1]) „En maintenant le principe monarchique constitutionel inhérant aux moeurs du peuple finlandais et dont toutes

Изъ всѣхъ реформъ, самой настоятельной являлась реформа законоположенія о самомъ Сеймѣ, потому что старинные регламенты 1617 и 1626 г. г., дополненные въ 1779 году, не отвѣчали болѣе современнымъ. — Въ 1867 году Сеймъ собрался для обсужденія своего новаго органическаго закона, который и былъ обнародованъ 3/15 апрѣля 1869 года.[1]) Самое важное постановленіе этого закона заключается въ статьѣ 2-ой, гдѣ говорится, что Сеймъ долженъ созываться по крайней мѣрѣ черезъ каждыя пять лѣтъ, не считая экстраординарныхъ сессій, какія будутъ признаны нужными Императоромъ — Великимъ Княземъ. — Съ 1867-го года состоялись слѣдующія урочныя сессіи Сейма: въ 1872, въ 1877, 1882, 1885, 1888, 1891, 1894, 1897 и 1900 годахъ.

Среди главныхъ измѣненій въ старинныхъ законоположеніяхъ страны, которыя она одобрила, отмѣтимъ въ особенности законъ 27-го декабря 1878-го года, которымъ введенъ былъ принципъ личной воинской повинности, вмѣсто системы *вербовки рекрутъ по раскладкѣ*, согласно которой поземельные собственники должны были доставлять число солдатъ, пропорціональное цифрѣ поземельныхъ налоговъ.[2]) Этотъ вопросъ о воинской повинности слѣдуетъ запомнить, потому что онъ сталъ отправнымъ пунктомъ мѣръ, принятыхъ впослѣд-

---

ses lois et ses institutions portent le caractère, je veux faire admettre dans ce projet un droit plus étendu que celui que possèdent déjà les Etats, quant au règlement de l'assiette des impôts, ainsi que le droit de motion, qu'ils ont anciennement possédé . . . .“

[1]) См. „Constitution du Grand Duché de Finlande“. стр. 73 и слѣд.

[2]) Актъ 1772. г. ст. 18, см. приведенное соч: „Constitution du Grand Duché de Finlande“, стр. 147; очеркъ бывшей системы воинской повинности — въ Отвѣтѣ земскихъ чиновъ, стр. 211 и слѣд.

ствіи русскимъ правительствомъ съ цѣлью упраздненія автономіи Финляндіи. — Для надлежащей оцѣнки этихъ мѣръ, не слѣдуетъ также забывать, что вѣрность воинскому долгу и самоотверженность финляндцевъ никогда не мѣнялись; уже въ 1812 году Александръ I могъ безъ опасенія вывести русскіе гарнизоны изъ Финляндіи и ввѣрить охрану Петербурга вновь сформированному финляндскому отряду войскъ; финляндскія войска вели себя геройски во время турецкой кампаніи 1877 года; особенно отличились они въ дѣлѣ подъ Горнымъ Дубнякомъ; также Александръ III много разъ отзывался съ похвалой о дисциплинѣ и хорошей выправкѣ финляндскихъ войскъ, набранныхъ въ силу закона 1878 года.

Царствованіе Александра III началось особенно счастливо для Финляндіи. Открывая Сеймъ 24-го января 1882 года, новый царь объявилъ, что Онъ намѣренъ слѣдовать примѣру Своего отца: срокъ для созывовъ Сейма былъ на дѣлѣ сокращенъ съ пяти до трехъ лѣтъ; по манифесту 25-го іюня 1886-го года, Сеймъ получилъ право инициативы въ сферѣ законодательной, исключая только въ отношеніи основныхъ законовъ о печати и военныхъ. Наконецъ, свобода вѣроисповѣданія была расширена закономъ 11-го ноября 1889-го года, который призналъ за каждымъ финляндцемъ-христіаниномъ, а не однимъ только лютераниномъ, право занимать должности по государственной службѣ въ этой странѣ.

Съ. 1890-го года все измѣнилось. Уже вслѣдъ за смертью Александра II, либеральныя поползновенія, какія обнаруживалъ покойный царь, уступили мѣсто энергичной реакціи въ сторону самовластія. Финляндія не замедлила почувствовать перемѣну настроенія: и въ на-

ціоналистической русской прессѣ и въ оффиціальныхъ сферахъ стали находить страннымъ, что эта территорія, особенно подверженная опасности въ силу своего положенія на границѣ государства, живетъ при другомъ режимѣ, чѣмъ имперія, и сохранила то, что назвали *привилегіями*. Дѣло дошло даже до обвиненій финляндцевъ въ сепаратистскихъ стремленіяхъ вопреки всякому правдоподобію и не смотря на испытанную вѣрность, которую они много разъ доказали.[1]) Эта кампанія принесла свои плоды. Движеніе въ сторону полнаго поглощенія Финляндіи Россіей, въ отношеніи законодательства, началось съ подчиненія финляндскаго почтоваго управленія русскому министру внутреннихъ дѣлъ, хотя Сенатъ Финляндскій указалъ, что эта мѣра противна основнымъ законамъ страны, требующимъ, чтобы всѣ служащіе были подвѣдомствены власти законовъ финляндскихъ. А въ 1893 году возникъ уже вопросъ о разсмотрѣніи проекта регламента *управленія губерніями финляндскими*, представившаго собою ничто иное, какъ уничтоженіе автономіи Финляндіи.

Наступаетъ царствованіе Николая II-го 25 октября (6 ноября) 1894-го года; новый Царь, какъ Великій Князь Финляндскій, вновь подтвердилъ, — выраженіями Акта 27-го марта 1809-го года, — данное Его предками ручательство охранять основные законы и конституцію этой страны. 25-го января 1897 года при открытіи Сейма, Онъ выразилъ полное Свое удовольствіе народу финляндскому за его „вѣрность и непоколебимую преданность“. Но указомъ, даннымъ 19-го іюля 1898-го

---

[1]) Обвиненіе Финляндцевъ руской прессой см. въ Temps отъ 25 сентября 1898-го года.

года, Сеймъ былъ созванъ въ экстраординарную сессію въ Гельсингфорсѣ на 19-ое января 1899-го года, — для разсмотрѣнія проекта закона о воинской повинности, долженствующаго уравнять въ этомъ отношеніи Финляндію съ остальной Имперіей. — Этотъ проектъ совершенно уничтожалъ правила, принятыя Сеймомъ и освященныя Александромъ II въ законѣ 27-го декабря 1878-го года; онъ разрушалъ національный характеръ финляндской арміи, вводя въ нее русскихъ офицеровъ и отправляя финляндцевъ — навобранцевъ, столь привязанныхъ въ родной землѣ, — въ русскія воинскія части, все равно, еслибы онѣ находились даже на окраинахъ Имперіи. Такія измѣненія могли быть произведены лишь „путемъ согласнаго рѣшенія Императора и Сейма", потому, что они касались *основнаго закона* Великаго Княжества Финляндскаго, формулированнаго нѣсколькими статьями закона отъ 27-го декабря 1878-го года.[1]) Тѣмъ не менѣе, въ Своей тронной рѣчи, при открытіи Сейма, Царь далъ понять, что въ вопросѣ подобнаго рода Сеймъ имѣетъ только совѣщательный голосъ. Было, притомъ, также замѣтно стараніе въ оффиціальныхъ бумагахъ избѣгать названіе „Великое Княжество" и говорить о Финляндіи, какъ объ обыкновенной провинціи.

Въ то время, какъ Сеймъ обсуждалъ представленный ему проектъ, появился манифестъ 3/15 февраля 1899-го года, вмѣстѣ съ „Основными Положеніями о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго".[2]) Въ нашу задачу не можетъ

---

[1]) См. обсужденія военнаго законопроекта въ цитир. „Les Réponses des Etats". (Отв. земскихъ чиновъ.)

[2]) См. эти документы въ „Les Réponses des Etats" стр. 17—21.

входить детальное разсмотрѣніе этихъ документовъ, изложенныхъ языкомъ немного туманнымъ и, быть можетъ, умышленно довольно двусмысленнымъ. Достаточно привести здѣсь суть того рѣшенія, принятаго русскимъ правительствомъ, которое въ конецъ подрываетъ конституціонную и законодательную автономію Финляндіи и которое вызвало столь живые протесты этой страны. Въ силу новыхъ правилъ, проекты законовъ для Великаго Княжества Финляндскаго, если они касаются общеимперскихъ нуждъ, или находятся въ связи съ общимъ законодательствомъ Имперіи, подлежатъ разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта Россіи съ участіемъ представителей финляндскаго правительства. Рѣшенія Совѣта, утвержденныя Высочайшей властью, обнародываются, какъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, такъ и въ Имперіи, въ формѣ, предписанной закономъ. По законодательнымъ предположеніямъ, „кои въ порядкѣ внутренняго управленія Великаго Княжества Финляндскаго, поступаютъ на уваженіе Финляндскаго Сейма", *заключенія* этого Сейма требуются раньше, чѣмъ самые вопросы будутъ внесены на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Императоръ пользуется дискреціонной властью рѣшать — имѣетъ ли данный вопросъ отношеніе къ общеимперскимъ потребностямъ или связь съ общимъ законодательствомъ Имперіи. Въ случаѣ положительнаго отвѣта, и если дѣло будетъ идти объ одномъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые касаются *основныхъ законовъ* Финляндіи или для которыхъ согласіе Сейма необходимо, — отъ Сейма просто требуется заключеніе, а Царь уже слѣдаетъ изъ его мнѣнія то употребленіе, какое Самъ найдетъ нужнымъ. — Такимъ образомъ, вопреки торжественно принятымъ на Себя и вновь

подтвержденнымъ обязательствамъ, русское самодержавіе поставило себя на мѣсто конституціоннаго режима Великаго Княжества Финляндскаго.

Этотъ манифестъ вызвалъ въ Финляндіи глубокое безпокойство. Сенатъ, также какъ и Сословія, послали немедленно въ Петербургъ делегатовъ — представить Императору докладныя записки, гдѣ доказывалось, что этотъ манифестъ противорѣчитъ основнымъ законамъ страны и что необходимо его измѣнить правильнымъ законодательнымъ актомъ. Царь не пожелалъ принять этихъ делегатовъ. Онъ не принялъ также и 500 делегатовъ, явившихся отъ всѣхъ общинъ Финляндіи съ адресомъ, покрытымъ слишкомъ 500 000 подписей, гдѣ Его просили защитить конституцію страны. Выше мы уже говорили, что явившіеся съ адресами отъ чужихъ странъ, также не были допущены къ Царю.

Между тѣмъ чрезвычайный Сеймъ продолжалъ разсматривать императорскія предложенія относительно закона о воинской повинности. Въ отвѣтѣ своемъ, 27-го мая 1899-го года, онъ отклонилъ эти предложенія, имѣвшія въ виду скорѣе политическій переворотъ, чѣмъ полезныя реформы въ военной организаціи. — Признавая, однако, необходимость реорганизаціи запаса и справедливость требованія увеличить боевыя силы страны, Сеймъ принялъ проектъ закона, исправляющаго въ этомъ смыслѣ законъ 1878-го года. — Съ другой стороны, Сеймъ отказался признать выводы манифеста 15-го февраля 1899-го года. — Всесторонній разборъ этого документа, вынудилъ Сеймъ въ своемъ отвѣтѣ Императору, объявить, что „манифестъ и принадлежащія къ нему Основныя Положенія, какъ изданныя безъ согласія Земскихъ Чиновъ и вообще внѣ порядка, уста-

новленнаго основными законами края, не могутъ имѣть силы закона въ Финляндіи".

II.

Напомнивъ вкратцѣ главные историческіе моменты финляндскаго вопроса, взглянемъ теперь съ точки зрѣнія международнаго права и права конституціоннаго на ту проблему, какую онъ возбуждаетъ.

Представляетъ-ли, впрочемъ, какой нибудь интересъ подобное изслѣдованіе? Не есть ли это одно изъ тѣхъ праздныхъ и чисто-академическихъ разсужденій, которыми не станутъ заниматься ни государственные люди, ни народы? Такъ именно и говорили, ссылаясь на историческія права Россіи распространять свой авторитетъ, слѣдуя режиму, сообразному ея національнымъ стремленіямъ, и на политическую необходимость — объединить различныя части своей громадной территоріи. Совершенно безполезная вещь — выслушивать требованія и протесты „тѣхъ, кого русскіе побѣдили въ борьбѣ за существованіе", замѣчаетъ Башмаковъ.[1]) Не стоитъ обращать никакого вниманія на „юридическія тонкости", прибавляетъ Христіанъ Шеферъ.[2])

На это мы отвѣтимъ, что подобнаго рода увѣренія на счетъ „историческихъ правъ" и „политической необходимости" являются сами лишь освященіемъ совершившагося факта и преклоненіемъ предъ силой. Если хотятъ довольствоваться такими разсужденіями, — пусть

---

[1]) См. La question de la prospérité finlandaise et ses causes extérieures, Revue politique et parlementaire, IX, 1896, стр. 612, и La question finlandaise, Bd. XII, 1897, стр. 695; Bd. XXVI, 1900, стр. 180.

[2]) Journal des Débats, 15. Mars 1899.

откровенно сгонять со свѣта идею о правѣ, пусть уничтожать уваженіе къ ней въ человѣческой душѣ, потому что она — лишь платоническая концепція, которой суждено исчезнуть предъ успѣхами тѣхъ, кто не признаетъ ея. Мало того: пусть и рѣчи больше не будетъ о правѣ, какъ въ дѣлахъ частныхъ лицъ другъ съ другомъ, такъ и въ международныхъ отношеніяхъ; это — выводъ самъ собой вытекающій изъ такихъ разсужденій, логическое слѣдствіе, передъ которымъ нельзя будетъ отступить — все равно — желаютъ этого, или нѣтъ. Право сильнаго не считаться съ положеніемъ, юридически пріобрѣтеннымъ слабымъ, это орудіе, которое даетъ мнимая историческая и политическая наука для того, чтобы попятить цивилизацію назадъ — къ варварству, и даже къ чему то еще худшему, потому что варварство не хлопочетъ о теоретическомъ оправданіи своихъ поступковъ и не отягчаетъ своей жестокости лицемѣріемъ. — Мы знаемъ, какую цѣну имѣетъ эта деморализирующая доктрина; мы можемъ судить о ея достоинствѣ даже въ настоящій моментъ: услугами ея пользуется Великобританія противъ Трансвааля[1]); результаты ея приложенія далеки отъ того, чтобы привлечь къ ней кого-либо изъ тѣхъ, кому дорога идея справедливости, кто думаетъ о мирѣ сего міра.

Кромѣ того мы имѣемъ здѣсь дѣло съ положеніемъ, лишающимъ эту доктрину всякаго авторитета, даже если принять исходную точку ея — мнимое право сильныхъ господствовать надъ слабыми, чтобы заставить ихъ принять участіе въ общемъ дѣлѣ прогресса, носителями

---

[1]) См. Edmond Demolins, — „Boërs et Anglais“, въ Science Sociale, 1899, стр. 319.

котораго считаютъ себя эти сильные. — Какимъ способомъ, кромѣ опыта, часто очень продолжительнаго, можно доказать, что цѣль, которую имѣютъ въ виду, требуетъ непремѣнно этого — принесенія въ жертву слабыхъ, и на какомъ основаніи можно предрѣшать вопросъ, совершая актъ такого жертвоприношенія, безъ увѣренности въ томъ, что въ его полезности лежитъ его оправданіе? Какъ знать, кромѣ того, не окажется ли порабощеніе маленькой націи большимъ государствомъ не только безполезнымъ, но и прямо вреднымъ для него, не лишится ли оно при этомъ всѣхъ тѣхъ выгодъ, какія давали бы ему отношенія, основанныя на правѣ? — Исторія даетъ на этотъ счетъ уроки, которые слишкомъ быстро, однако, забываются, если судить по поведенію американцевъ на Филиппискихъ островахъ и Англіи въ Южной Африкѣ; поведеніе это находятъ только жестокимъ, но будущее, вѣроятно, покажетъ, что оно было неразумно и вредно для государствъ, поступавшихъ такимъ образомъ. Что касается положенія, принятаго Россіей относительно Финляндіи, то лица, хорошо знающія взаимные интересы обѣихъ странъ и имѣющія возможность, по своему положенію, судить о нихъ безпристрастно, полагаютъ, что русская имперія можетъ потерять въ порабощенныхъ финляндцахъ все то, что было хорошаго въ финляндцахъ, добровольно подчинявшихся Царю при гарантіи ихъ національной Конституціи: лойяльность, военную поддержку, экономическую самодѣятельность, интеллектуальную и артистическую производительность.[1])

[1]) См. Anatole Leroy-Beaulieu, — „Finlande et Transvaal", — сообщеніе, сдѣланное Обществу „La Paix par le droit", — въ Revue Bleue, 23 дек. 1899 г., R. Fischer, „Finland and the Tsars", гл. XII.

Не подчинялись ли въ Россіи этому чувству — узкому и одностороннему въ вопросахъ внутренней политики, аггрессивному въ вопросахъ внѣшней — которое подъ различными названіями, джигоизма, имперіализма, націонализма и пр., мутитъ самыя чистыя правовыя понятія и извращаетъ самыя простыя нравственныя идеи къ стольких странахъ? — Національный эгоизмъ, достигнувшій такой степени, приводитъ не только къ ненависти и угнетенію чужихъ странъ — если это возможно конечно — но и къ такому же обращенію съ тѣми, которые, живя подъ однимъ скипетромъ и будучи одинаково вѣрноподданными, какъ и господствующая нація, отдѣлены отъ нея оттѣнками различій, религіозныхъ, правовыхъ, особенностями политической организаціи. Чтобы ихъ объединить или выжить — сообразно имѣющейся въ виду цѣли — ихъ преслѣдуютъ, — и драгоцѣнные помощники вчера, на которыхъ можно было смѣло разсчитывать, пока уважали ихъ интимныя чувства и пріобрѣтенныя права, могутъ сдѣлаться врагами завтра.

Допуская даже, что были государственныя причины, оправдывавшія, или, по крайней мѣрѣ, объясняющія походъ, предпринятый для уничтоженія вліянія германскаго элемента и для достиженія такъ называемой

За границей, сколько мы знаемъ, нашелся одинъ только публицистъ, который оправдывалъ поведеніе Россіи, именно Стэдъ, тотъ самый, который явился такимъ горячимъ защитникомъ дѣла Буровъ противъ алчныхъ вожделѣній его собственной страны. См. „Temps" 26 іюня 1899 г. — Къ слову сказать; нигдѣ поведеніе Англіи относительно Трансвааля не встрѣтило такого порицанія какъ въ Россіи; но за то и мѣры Россіи въ Финляндіи нигдѣ не нашли болѣе суровой критики, чѣмъ въ Англіи.

руссификаціи прибалтійскихъ губерній, — все таки должно сказать, что ничто не можетъ оправдать подобнаго же образа дѣйствія относительно Финляндіи. Страна эта, будучи частью русской державы, по скольку дѣло касается отношеній къ другимъ державамъ, не есть простая провинція Россіи. Очевидно, что только въ предѣлахъ русскаго государства, въ собственномъ смыслѣ этого слова, петербургское правительство имѣетъ право примѣнять свою программу централизаціи и единообразія. — Распространять эту программу на Финляндію, имѣющую свое правительство и свое собственное законодательство, — значитъ нарушать права, торжественно признававшіяся, начиная съ 1809-го года, оскорблять тѣ чувства преданности престолу и вѣрности къ Россіи, которыя финляндцы всегда доказывали, нарушать спокойствіе и задерживать прогрессъ этого маленькаго народа, который чтитъ свои національныя учрежденія, являющіяся существеннымъ условіемъ его благоденствія. Почему русское правительство не видитъ, или не желаетъ видѣть, что уваженіе къ правамъ Финляндіи укрѣпило узы, связывающія эту страну съ Россіей, и что всякое нарушеніе этихъ правъ должно будетъ ослабитъ эти узы?

Искренніе друзья Россіи, понимающіе, какую великую роль суждено ей играть не только въ политическихъ комбинаціяхъ, но — что особенно важно — и въ общемъ дѣлѣ цивилизаціи, желаютъ, чтобы ея монархъ, — тотъ, кто на Гаагской конференціи далъ всему міру прекрасную надежду на миръ, былъ бы вскорѣ лучше освѣдомленъ и отказался бы отъ рѣшенія, противнаго интересамъ его имперіи, равно какъ и благороднымъ намѣреніямъ, высказаннымъ имъ передъ державами. —

Вотъ все, что мы хотѣли сказать о нравственной сторонѣ даннаго вопроса. Вернемся теперь къ его юридической сторонѣ.

Всѣ публицисты — а ихъ очень много — изучавшіе вопросъ о правѣ Финляндіи требовать сохраненія конституціи, гарантированной обѣщаніями царей, ставили его такимъ образомъ: представляетъ ли Великое Княжество Финляндское провинцію, вошедшую въ составъ Россіи съ сохраненіемъ извѣстной автономіи въ силу всемилостивѣйшаго на то соизволенія царей, — или это настоящее государство, присоединенное къ русской имперіи? Въ первомъ случаѣ, положеніе Финляндіи можетъ, строго говоря, считаться милостью, которая можетъ быть и отмѣнена; во второмъ, — оно, будучи результатомъ международнаго соглашенія, неизмѣнно въ томъ смыслѣ, что можетъ быть измѣнено только въ силу взаимнаго согласія обѣихъ договаривающихся сторонъ.

Но при рѣшеніи вопроса, который ставится такимъ образомъ, стараются обыкновенно разобрать, какова природа союза, существующаго между Финляндіей и Россіей, спеціально для того чтобы опредѣлить — есть ли это настоящее включеніе, присоединеніе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, или союзъ совсѣмъ иного характера? Несмотря на все свое разнообразіе, классификація — установленная извѣстной доктриной для опредѣленія характера различныхъ союзовъ, могущихъ образовываться между коллективностями, имѣющими самостоятельное юридическое существованіе, или пользующимися извѣстной автономіей — не обладаетъ пластичностью, достаточной для того, чтобы вполнѣ соотвѣтствовать произвольнымъ комбинаціямъ, вызываемымъ полити-

ческими обстоятельствами и расчетами. Надо признать, что существуютъ такіе виды союзовъ, которые не подходятъ ни подъ одну изъ категорій, установленныхъ доктриной. Этимъ и объясняется, почему публицисты, пытавшіеся опредѣлить союзъ, соединяющій Великое Княжество Финляндское съ Россійской Имперіей, согласно извѣстнымъ рубрикамъ, такъ разошлись во взглядахъ на этотъ вопросъ. Мы надѣемся, усвоивши другой методъ, принявши исходной точкой законы человѣческаго права въ дѣлѣ международныхъ отношеній, внести немного больше точности въ эту деликатную проблему.

Отправной пунктъ, изъ котораго мы исходимъ и который долженъ быть основаніемъ всей аргументаціи въ вопросѣ о положеніи Финляндіи, тотъ, что это положеніе есть результатъ согласія, обѣщанія, даннаго царями и принятаго финляндцами; согласіе это, въ свое время, выразила также Швеція, какъ мы это покажемъ дальше; словомъ, — положеніе Финляндіи является плодомъ настоящаго договора, а не всемилостивѣйшаго пожалованія одной только стороны: Александра I-го и его преемниковъ. Ясно, что если нельзя прійти къ соглашенію относительно этого основного пункта, всякое разсужденіе о правахъ Финляндіи становится излишнимъ, такъ какъ коренное различіе исключаетъ возможность установить потомъ всякую общую точку зрѣнія на данный вопросъ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, обстоитъ дѣло на почвѣ международнаго права конституціоннаго, отчего ни въ какомъ случаѣ нельзя было бы прійти къ выводу, будто финляндская конституція, будучи дарована русскими Императорами (если бы она и въ самомъ дѣлѣ была даро-

вана), потому самому можетъ быть ими же произвольно и отмѣнена; разъ монархъ клялся въ вѣрности конституціи, онъ уже связанъ ею, даже тогда, когда онъ нарочно подбираетъ одно выраженіе къ другому, чтобы подчеркнуть единоличный характеръ своего рѣшенія, какъ это сдѣлалъ Людовикъ въ предисловіи къ конституціонной грамотѣ 4:го іюня 1814-года, въ которомъ онъ выразился такимъ образомъ:"... Мы обязуемся передъ этимъ Собраніемъ, насъ слушающимъ, быть вѣрными этой грамотѣ, предоставляя себѣ право вновь, торжественнымъ образомъ, поклясться въ охранѣ ея — передъ престоломъ Того, Кто взвѣшиваетъ на однѣхъ и тѣхъ же вѣсахъ королей и народы. Сего ради Мы, *добровольно* и въ силу свободнаго пользованія нашей королевской властью, *соизволили* и *соизволяемъ, даруемъ* и *жалуемъ* нашимъ подданнымъ, — за себя, за нашихъ преемниковъ и навсегда, — нижеслѣдующую конституціонную грамоту" .... Извѣстно, что знаменитые указы 25:го іюля 1830-го года, противные этой грамотѣ, были признаны актами, нарушающими молчаливое соглашеніе, заключенное монархомъ съ его подданными, что и привело къ паденію династіи.

Впрочемъ, и не настаивая на этомъ вопросѣ конституціоннаго права, можно видѣть, что несмотря на рѣзкія, хотя и совершенно бездоказательныя утвержденія нѣкоторыхъ писателей,[1]) въ царскихъ заявленіяхъ ни-

[1]) Мартенсъ. „Международное Право", франц. переводъ, I стр. 325; Коркуновъ „Великое Княжество финляндское", 1890 и „Русское Государственное право", 1893, цитир. въ Situation politique de la Finlande, Revue de Droit international et de legislation comparée, loc. cit., и Башмаковымъ, — „Revue politique et parlementaire", oc. cit. XII, 1897, стр. 697; F. de Holzendorff, — Handbuch des Völkerrechts, II 32, стр. 130; A. Rivier, который держался этого

когда не упоминалось о томъ, что они, цари, даровали финляндцамъ ихъ конституцію; и все, напротивъ того, свидѣтельствуетъ, что она возникла въ сиду дѣйствительнаго договора, связывающаго обѣ стороны.[1]) Въ дѣйствительности дѣло происходило такимъ образомъ, что, поклявшись за себя и за своихъ преемниковъ въ охранѣ основныхъ законовъ и конституціи Финляндіи, Александръ I-й приказалъ передать текстъ своихъ обязательствъ сословіямъ страны; а они принесли присягу на вѣрность и этой конституціи и этимъ законамъ, которые по самому содержанію своему не могли быть измѣнены безъ формальнаго согласія финляндскаго Сейма. — Такимъ способомъ возникло соглашеніе между монархомъ и его новыми подданными, для опредѣленія взаимныхъ отношеній своихъ другъ къ другу на основѣ грамоты, принятой обѣими сторонами. Развѣ это не настоящій договоръ? Кромѣ того, тѣ, которые хотятъ видѣть въ обѣщаніяхъ Александра I-го только единоличное и всемилостивѣйшее пожалованіе финляндскому народу особеннаго политическаго режима, слишкомъ ужъ забываютъ, по нашему мнѣнію, фактъ, что этотъ режимъ нисколько не былъ созданъ Царемъ: Александръ всецѣло призналъ лишь вѣковую конституцію Швеціи, подъ владычествомъ которой жила Финляндія, съ характерными особенностями этой конституціи равно обязатель-

---

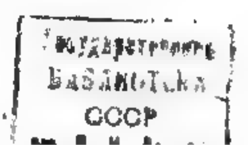
мнѣнія въ своемъ сочиненіи „Lehrbuch des Völkerrechts", въ 1887 г., и оставилъ его въ своихъ „Principes du droit des gens", 1896. I. стр. 77.

[1]) Hermanson, финляндскій публицистъ, — „Finlands statsrättsliga ställning (Положеніе Финляндіи съ точки зрѣнія государственнаго права, 1899 г.), по раньше цитированной брошюрѣ: „Ein Beitrag zur Beurteilung der staatsrechtlichen Stellung des Grossfürstentums Finland" (главныя заключенія сочиненія Германсона).

ными, какъ для Государя, такъ и для подданныхъ. Если бы Онъ, вмѣсто того чтобы *договариваться* съ финляндцами, сохраняя имъ эту дорогую для нихъ конституцію и получая взамѣнъ ихъ подчиненіе верховной Своей власти, — захотѣлъ *пожаловать* имъ самъ какую-нибудь другую конституцію, Онъ редактировалъ бы ее по Своему желанію, сообразно своимъ взглядамъ, и во всякомъ случаѣ оставилъ бы изъ шведскаго режима лишь то, что могло бы Ему подходить, какъ это сдѣлалъ Людовикъ XVIII въ грамотѣ 1815-го года относительно принциповъ, установленныхъ предшествующими конституціями Франціи. Впрочемъ, правовые акты, состоявшіеся между различными политическими коллективностями, должны объясняться лишь въ свѣтѣ историческихъ фактовъ имъ предшествовавшихъ и ихъ вызвавшихъ, — подобно тому, какъ для сужденія о добросовѣстности актовъ, заключенныхъ между частными лицами, непремѣнно надо знать обстоятельства, при которыхъ возникли такіе акты. Это условіе представляется въ первомъ случаѣ даже болѣе необходимымъ, потому что здѣсь нѣтъ, какъ въ актахъ второй категоріи, точной юридической терминологіи, для обѣихъ сторонъ совершенно тождественной и строго соблюдаемой спеціалистами въ дѣлѣ редакціи договоровъ между частными лицами. — Прецеденты же акта 15/27 марта 1809-го года, которые лежатъ въ основѣ финляндской автономіи, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ договорномъ характерѣ этого документа.

Пусть вспомнятъ манифестъ Елизаветы отъ 16/28 марта 1742-го года, гдѣ Она *предлагала* Финляндіи признать ее независимымъ государствомъ, если послѣдняя дастъ обѣщаніе отдѣлиться отъ Швеціи; пусть

вспомнятъ Абоскій трактатъ 7-го августа 1743-го года, въ которомъ части финляндскаго населенія, подчинившейся Россіи, давалась взамѣнъ этого гарантія, что ему будутъ оставлены его старинные законы. — Пусть не забываютъ, наконецъ, обстоятельствъ, побудившихъ Александра I подписать Актъ 1809-го года. Манифестомъ 18 го февраля 1808-го года Онъ приглашаетъ представителей Сословій Финляндіи обсудить, какой режимъ слѣдуетъ дать странѣ: Онъ не навязываетъ Своего рѣшенія; Онъ излагаетъ Свои взгляды, чтобы прійти къ соглашенію послѣ обсужденія даннаго вопроса сообща. Его попытка терпитъ неудачу; Финляндцы крѣпко держатся за неприкосновенность своихъ основныхъ законовъ; Царь уступаетъ и обѣщаетъ имъ эту неприкосновенность, — сначала въ Манифестѣ 5/17 іюня 1808-го года, потомъ — еще торжественнѣе, при принесеніи присяги на вѣрность Сословіями Финляндіи на сеймѣ въ Борго въ 1809-го году. Онъ уступаетъ, несмотря на окончательную побѣду надъ Швеціей и Свою полную власть надъ финляндцами, потому что Онъ хочетъ лойяльнаго подчиненія ихъ, — безъ всякой опасности смутъ и сопротивленія въ области, которая, по самому своему положенію на морской границѣ Россіи и у воротъ русской столицы, должна была стать оплотомъ Имперіи, а не брешью въ ней. Договоръ былъ заключенъ: Финляндцы дали обѣщаніе быть вѣрными подданными; Цари отказались, по отношенію къ нимъ, отъ Своей самодержавной власти и гарантировали имъ оставленіе въ силѣ конституціоннаго режима. Если первые сдержали свои обѣщанія, — что подтверждаютъ всѣ факты, — то по какому праву вторые стали бы не признавать своихъ обязательствъ въ данномъ случаѣ?

Но если существуетъ договоръ, или трактатъ, то спрашивается: кто же тѣ юридическія личности, между которыми онъ заключенъ? Одна изъ нихъ, вполнѣ опредѣленная: это — Россія, представляемая Царемъ. Кто же вторая? Народное право допускаетъ извѣстныя, подлежащія регламентаціи юридическія отношенія только между индивидуальностями, имѣющими, съ международной точки зрѣнія существованіе, вполнѣ признанное всѣми: не только тѣмъ государствомъ, отъ котораго онѣ зависятъ и которое, какъ это чаще всего бываетъ, само ихъ создало и поглотило въ себѣ, по скольку рѣчь идетъ о внѣшнихъ отношеніяхъ къ другимъ державамъ; но и всей совокупностью государствъ. Такими юридическими индивидуальностями являются, во первыхъ, сами государства, по скольку они сохранили свою автономію съ точки зрѣнія международныхъ отношеній, — не сливаясь въ данномъ смыслѣ съ другою независимою коллективностью, и во вторыхъ, — тѣ юридическія единицы, которыя созданы, или существованіе которыхъ допущено съ общаго согласія державъ, хотя онѣ не государства, каковы напр., Папскій Престолъ[1]) и международныя комиссіи для навигаціи по Дунаю, учрежденная въ 1856 году, и по рѣкѣ Конго, возникшая въ 1885 году. — Спрашивается теперь: есть ли въ финляндскомъ вопросѣ, кромѣ Россіи, другая сторона, — одна изъ тѣхъ юридическихъ единицъ, съ которой могъ бы быть заключенъ договоръ международнаго характера, настоящій трактатъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо, мы полагаемъ, разобраться

---

[1]) Вопросъ о томъ представляетъ ли Папскій Престолъ дѣйствительное государство однако оспаривается.

въ отношеніяхъ Россіи къ Швеціи съ одной стороны, и къ Финляндіи, съ другой.

Публицисты, писавшіе по данному вопросу, повидимому, очень мало интересовались той ролью, какую играла Швеція въ возникновеніи финляндской автономіи. Мы же думаемъ, что эта роль, съ точки зрѣнія международнаго права, была капитальная.

Въ своемъ „Commentaires des éléments de droit international de Wheaton“ Бичъ-Лауренсъ (Beach-Lawrence) дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе, частью вполнѣ вѣрное, которое ставитъ вопросъ на надлежащій путь: „Существуетъ, говоритъ онъ, чувствительная разница между правами русскаго Императора по отношенію въ Царству Польскому и тѣмъ правомъ, которымъ Онъ пользуется, какъ Великій Князь Финляндскій. *Относительно этой послѣдней страны не можетъ возникнуть вопроса о вмѣшательствѣ международнаго характера, т. е. такомъ, основаніемъ которому служили бы извѣстные трактаты.*“ Причина этой разницы заключается въ томъ, что вѣнскій конгрессъ (см. актъ 9:го іюня 1815-го года ст. 1-ая) отдалъ Польшу русскому Императору на условіи, что онъ будетъ носить только титулъ Короля Польскаго и оставитъ Польшѣ ея собственную конституцію. Державы, подписавшія Актъ 9-го іюня, имѣли, такимъ образомъ, право требовать соблюденіе этой статьи, и когда она оказалась попранной Императорскимъ актомъ 26-го февраля 1832-го года, преобразовывавшемъ Польшу въ рядъ обыкновенныхъ русскихъ губерній, Франція и Англія протестовали противъ него, хотя и платонически; послѣ возстанія 1863-го года они поступили такимъ же образомъ; но какъ бы тамъ ни было, но ихъ право требовать

уваженія къ Акту 1815-го года не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію.

Державы, въ своей совокупности, ничего не выговаривали для Финляндіи; но развѣ отсюда слѣдуетъ, что въ данномъ случаѣ и рѣчи не можетъ быть ни о какомъ вмѣшательствѣ, для того чтобы потребовать отъ Россіи исполненія ея обѣщаній относительно сохраненія въ силѣ финляндской Конституціи? Вотъ въ этомъ то пунктѣ замѣчаніе Beach Lawrens'a кажется намъ преувеличеннымъ, и здѣсь именно мы и встрѣчаемся съ правомъ Швеціи, которое, по нашему мнѣнію, недостаточно было принято въ расчетъ.

По трактату въ Або, заключенному 7-го августа 1743-го года, Россія получила часть Финляндіи, причемъ дала обѣщаніе уважать законы, обычаи и религію обитателей этой уступленной ей территоріи. Швеція вступила, такимъ образомъ, на путь, ставшій для нея неизбѣжнымъ и уступая Финляндію она старалась, по крайней мѣрѣ, сохранить за своими прежними подданными ихъ гражданскія права. Это все, что она могла сдѣлать для нихъ; но это было много, особенно принимая во вниманіе обстоятельства этой эпохи, такъ какъ имъ обезпечивалась, въ сферѣ отношеній общественной жизни, неприкосновенность того режима, къ которому они привыкли. Когда впослѣдствіи, въ 1808—1809-г., финляндцы были покорены русскими, и шведы, не будучи въ состояніи защитить Финляндію, покинули эту страну, — обитатели ея сами дѣйствовали, по собственной своей иниціативѣ, не будучи, какъ бы слѣдовало, представлены своимъ королемъ, чтобы получить отъ Россіи обѣщаніе соблюдать ихъ законы.

Въ виду того, что интересы Царя, какъ мы пока-

зали выше, согласовались съ желаніями финляндцевъ, послѣдніе выиграли свое дѣло въ 1809 году. Въ Абоскомъ трактатѣ 1743-го года рѣчь шла объ уступкѣ лишь маленькой частицы Финляндіи, причемъ присоединяемая территорія растворилась, такъ сказать, въ массѣ русскихъ губерній, и единственная уступка, какая сдѣлана была ея обитателямъ, относилась къ ихъ законамъ, обычаямъ и религіи. Когда же Финляндія, во всей своей совокупности была соединена съ Россію, ей были сохранены ея *основные законы*, словомъ ея политическая конституція. Царь Самъ утвердилъ это соглашеніе, возвративъ Финляндіи — такимъ образомъ, отличенной и въ нѣкоторомъ родѣ олицетворяемой ея конституціонной автономіей — Выборгскую территорію, которая со времени завоеванія ея въ 1721 и 1743 г. г. удержала только прежніе свои законы и обычаи, но не политическій режимъ.

По настоящему, какъ мы уже имѣли случай говорить выше, всѣ эти преимущества, какія финляндцы выговорили себѣ отъ Царя, должны были быть опредѣлены по соглашенію съ единственной властью, которая была компетентна представлять Финляндію при сношеніяхъ съ другой державой, Королемъ Швеціи. Но то, что этотъ Король долженъ былъ сдѣлать сначала и самъ, онъ сдѣлалъ потомъ, ратификовавъ въ Фридрихсгамскомъ договорѣ 17-го сентября 1809-го года, шагъ, неправильно сдѣланный его подданными. Онъ одинъ имѣлъ право уступить Финляндію и установить, въ согласіи съ тѣмъ, кому онъ ее уступалъ, условія этой уступки. Согласіе его на уступку Финляндіи Россіи содержится въ ст. 4-й; что касается условій этой передачи, то король шведскій установилъ ихъ, сославшись на тѣ обязательства, ко-

торыя Александръ I уже принялъ на себя относительно Финляндцевъ 27-го марта того же года. — Было бы, однако, ошибкой думать, что шведскій государь ограничился только тѣмъ, что просто призналъ актъ добровольнаго рѣшенія Царя и выразилъ свое удовлетвореніе по данному поводу, не считая этого акта обязательствомъ, принятымъ, по отношенію къ нему самому, Королю Шведскому. Далеко не такъ: ст. 6-ая договора гласитъ, что въ виду рѣшенія Императора относительно будущаго положенія Финляндіи, "Его Шведское Величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія либо условія."

Этотъ священный долгъ для Конституціоннаго Монарха состоялъ въ томъ, чтобы, поскольку только это было возможно для него, не покинуть своихъ подданныхъ — жившихъ при режимѣ, охранявшемъ ихъ существенныя вольности — на произволъ правительства, чисто деспотическаго. Эта обязанность, — относительно финляндцевъ, уступленныхъ въ силу трактата въ Або 1743-го года, — была исполнена, насколько тогда позволяли обстоятельства, тѣмъ, что имъ оставлены были прежніе законы, мѣстные обычаи и религія.

Таже обязанность была исполнена и въ 1809 году, когда условіе о сохраненіи въ силѣ Великаго Княжества было сдѣлано въ формѣ ссылки на обѣщанія, данныя Александромъ І-мъ Сейму въ Борго. Такимъ образомъ, хотя и косвенно, но, тѣмъ не менѣе, очень ясно, Швеція поставила условіемъ, уже принятымъ Царемъ для уступки Финляндіи, — неприкосновенность политической конституціи и основныхъ законовъ въ присоединенной странѣ.

Съ точки зрѣнія международнаго права, для насъ не представляетъ сомнѣній, что Швеція, въ силу Фридрихсгамскаго трактата, имѣетъ право требовать уваженія къ этой статьѣ договора, — совершенно также какъ державы, подписавшія въ Вѣнѣ Актъ 9-го іюня 1815-го года, могли требовать сохраненія конституціи Польской.

Очевидно, что это замѣчаніе имѣетъ только юридическое значеніе, и принимая во вниманіе политическое и *военное положеніе Швеціи, съ одной стороны,* и *Россіи,* съ другой, нельзя было бы и ожидать какого нибудь результата отъ предъявленія протеста первой изъ этихъ державъ ко второй. Но мы выводимъ отсюда формальное заключеніе въ пользу того, что обязательства, принятыя на себя Россійской Имперіей, имѣли, — съ точки зрѣнія международнаго права, дѣйствительно договорный и обязательный для нея характеръ.

Разсмотримъ теперь отношенія Россіи и Финляндіи. Такъ какъ всякій протестъ со стороны Швеціи невѣроятенъ, то спрашивается: имѣетъ ли Финляндія юридическое право взять сама въ руки свое собственное дѣло и дѣйствовать въ качествѣ лица, облеченнаго законными *на то полномочіями? Для этого, — съ точки зрѣнія* международнаго права, необходимо, чтобы Финляндія представляла собою собственную и независимую индивидуальность. Необходимо, однимъ словомъ, чтобы она, по крайней мѣрѣ, въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи, имѣла характеръ настоящаго государства.

Существенное возраженіе публицистовъ, которые отстаиваютъ законность мѣръ, принятыхъ въ духѣ и на основаніи царскаго манифеста 3/15 февраля 1899-го года, состоитъ въ томъ, что Финляндія, будучи шведской провинціей, уступлена Россіи по Фридрихсгамскому дого-

вору безъ всякихъ условій, и что она, слѣдовательно, находится въ составѣ Россійской Имперіи въ томъ же качествѣ, въ какомъ она была, входя въ составъ Шведской монархіи.

Но мы думаемъ, что въ состояніи будемъ доказать, что Россія признала за Финляндіей характеръ отдѣльной политической коллективности и что она не присоединила къ себѣ Великое Княжество, какъ новую провинцію, а вступила съ нимъ въ соединеніе, какъ съ настоящимъ государствомъ, путемъ связи, точный юридическій характеръ которой намъ и предстоитъ теперь опредѣлить.

Прежде всего, — въ конституціонной автономіи, признанной за Финляндіей Александромъ 1-мъ, и его преемниками, не должно видѣть *„пожалованія“*, въ родѣ того, какимъ облагодѣтельствованы въ другихъ странахъ извѣстныя провинціи, или колоніи, особенно же колоніи британскія, имѣющія *собственное отвѣтственное правительство*, и спеціально Канада — въ силу Union Act'a 27:го марта 1867-го года. Это — привиллегированныя положенія, съ точки зрѣнія нормальнаго отправленія суверенитета центральной властью, — положенія, явившіяся результатомъ единоличной воли этой власти, могущія притомъ быть, если не на практикѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, отмѣнены ею и оставляющія въ полной силѣ узы подчиненности къ тому государству, отъ котораго эти провинціи или колоніи продолжаютъ зависѣть, какъ составныя его части, а не какъ отдѣльныя политическія единицы, находящіяся съ нимъ въ союзѣ, или въ связи.

Ничего подобнаго нѣтъ по отношенію къ Финляндіи,

юридическое положеніе которой, какъ мы это установили, является результатомъ договора, обязательнаго для обѣихъ договаривавшихся сторонъ, а вовсе не единоличнаго пожалованія царей. Самый фактъ такого договариванія предполагаетъ у каждой изъ сторонъ признаніе за другой стороной ея юридической личности и правоспособности, необходимой для заключенія условія, о которомъ идетъ рѣчь. Это во первыхъ, а во вторыхъ, хорошо извѣстно, что только независимая юридическая личность, — т. е. государство, можетъ устанавливать путемъ договора съ другимъ государствомъ свое политическое и конституціонное положеніе. Провинція въ подобномъ дѣлѣ была бы представлена государствомъ, часть котораго она составляетъ, — если бы она переходила подъ верховную власть другаго государства, или видѣла бы свою участь опредѣленною единолично государемъ, отъ котораго зависитъ, въ томъ случаѣ, когда она, не переходя подъ другое владычество получила бы какую нибудь льготу, или подчинилась бы специальному режиму. — Такимъ образомъ, Россія, согласно той самой доктринѣ, которая господствуетъ въ ней именно теперь, — устанавливая договорнымъ путемъ съ Финляндіей, представленной Сеймомъ, правовое положеніе этого Великаго Княжества и отношенія его къ Имперіи, тѣмъ самымъ, косвенно, но очень ясно, признала за Финляндіей характеръ государства.

Это отношеніе Россіи, утвержденное, какъ мы видѣли выше, актами преемниковъ Александра I-го, подтверждается и немногими статьями русскихъ законовъ, относящимися къ Финляндіи. Въ Сводѣ Законовъ Россійской Имперіи написано: „Съ Императорскимъ Всероссійскимъ Престоломъ нераздѣльные суть престолы Цар-

ства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго“ (Св. Зак. Рос. Имперіи, Т. I, 1. Основные законы Имперіи, Отд. I, § 4). Кромѣ того, форма присяги Наслѣдника Цесаревича содержитъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: „въ званіи же Наслѣдника Престола Всероссійскаго и соединенныхъ съ нимъ престоловъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, обязуюсь и клянусь соблюдать всѣ постановленія о наслѣдіи престола“ (Тамъ же, прил. III).

Такъ какъ, по совершенно справедливому замѣчанію, у провинціи нѣтъ престола, то отсюда слѣдуетъ, что по словамъ самой Россіи, Финляндія есть государство, находящееся съ нею въ соединеніи, а не одна изъ русскихъ провинцій. — Аргументъ этотъ имѣетъ тѣмъ болѣе силы, что Великое Княжество Финляндское поставлено рядомъ съ Польшей, а Польша, въ силу Акта Вѣнскаго Конгресса, была присоединена къ Россійской Имперіи какъ отдѣльное государство, долженствовавшее имѣть свою отдѣльную конституцію. Не важно, что впослѣдствіи русское самодержавіе уничтожило положеніе, гарантированное Польшѣ державами: это незаконное дѣяніе не въ состояніи измѣнить право. Кромѣ того, существуютъ деклараціи, отнюдь не двусмысленнаго характера, которыя относятся къ тому именно времени, когда конституціонный режимъ Польши еще уважался и когда говорить вмѣстѣ о ней и о Финляндіи значило вполнѣ ясно уподоблять послѣднюю государству, соединенному съ Россіей. Такъ, Николай I-й, объявляя объ отреченіи отъ престола своего старшаго брата, Константина, и о собственномъ своемъ воцареніи, въ манифестѣ 12/24 декабря 1825-го года говорилъ, что вступаетъ: „на престолъ Россійскій, и на нераздѣльные отъ него

престолы Царства Полькаго и Великаго Княжества Финляндскаго".[1])

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ писателей въ области государственнаго права, признавшій, что „всякое самовольное посягательство Россіи въ финляндскихъ дѣлахъ должно считаться противнымъ праву", сдѣлалъ тѣмъ не менѣе слѣдующее возраженіе противъ признанія Финляндіи государствомъ: такъ какъ Александръ I-й не раздѣлялъ своего званія Императора Россіи отъ званія Великаго Князя Финляндіи, то эта послѣдняя страна не имѣетъ отдѣльной и независимой монархической власти, что и не позволяетъ считать ее настоящимъ государствомъ.[2]) Мы не можемъ однако скрыть нашего удивленія, видя, какъ такой знаменитый юристъ позволилъ себѣ остановиться на подобномъ соображеніи. Развѣ не бываетъ очень часто, что одинъ и тотъ же монархъ соединяетъ въ себѣ различныя степени державной власти для различныхъ государствъ? Не такъ ли это во всѣхъ реальныхъ или личныхъ уніяхъ? Король Голландскій не являлся тѣмъ же верховнымъ властителемъ въ Великомъ Герцогствѣ Люксембургскомъ, хотя это было одно и тоже лицо; Король Прусскій былъ одновременно и Принцемъ Невшательскимъ; тоже самое мы видимъ еще на Королѣ Бельгійскомъ, являющемся вмѣстѣ съ тѣмъ Государемъ Конго, и на Королѣ Шведскомъ, который въ тоже время и Король Норвежскій. Возраженіе Еллинека имѣло бы еще

[1]) Основные законы Имперіи, откуда мы привели эти характерныя мѣста, утверждены тѣмъ самымъ Николаемъ I-мъ который уничтожилъ польскую автономію.

[2]) S. Jellinek „Ueber Staatenfragmente", 1896, и „Allgemeine Staatslehre", стр. 448, Berlin 1900.

извѣстное значеніе, если бы и въ Россіи и въ Финляндіи былъ одинаковый политическій режимъ. Самодержавіе, деспотическое правленіе одного лица, одной — единственной воли, одинаковой вездѣ и повсюду, проявлялось бы въ обѣихъ странахъ одинаково, смѣшивая ихъ въ этомъ отношеніи одну съ другою; но самодержавный властелинъ въ Россіи — въ Финляндіи только конституціонный государь; его воля, абсолютная въ одной странѣ, значительно ограничена въ другой; и такъ какъ она не одинакова въ обѣихъ странахъ, то человѣкъ, соединяющій въ своемъ лицѣ двѣ монархіи, долженъ, и фактически и въ правовомъ отношеніи, представлять два различныхъ правленія, соотвѣтствующія двумъ различнымъ государствамъ.

Чтобы понять истинный смыслъ юридическихъ сдѣлокъ, совершаемыхъ между народами, необходимо всегда добираться до тѣхъ политическихъ цѣлей, какія эти народы имѣютъ въ виду. Поэтому, и въ данномъ случаѣ только историческими прецедентами можно объяснить, какимъ образомъ Россія, присоединяя къ себѣ Финляндію, согласилась сдѣлать изъ нея государство, какъ она, вмѣсто того чтобы заставить Великое Княжество подчиниться своей волѣ, рѣшила вступить съ нимъ въ договоръ.

Россія не могла терпѣть, чтобы ея граница проходила у самыхъ воротъ ея новой столицы — Петербурга. За невозможностью устроиться иначе, Елизавета въ вышеупомянутомъ манифестѣ своемъ отъ 16/28 марта 1742:го года обнаружила желаніе — если не расширить предѣлы Имперіи, то, по крайней мѣрѣ, имѣть оплотъ для нея, сдѣлавши Финляндію независимымъ государствомъ, которое было бы въ союзѣ съ нею. Позже,

когда обстоятельства сложились болѣе благопріятно для Россіи, благодаря побѣдѣ ея надъ Швеціей, Александръ I могъ пойти дальше: дѣлая Финляндію отдѣльнымъ государствомъ, онъ осуществлялъ одну часть предположенія Елизаветы, но вмѣсто того, чтобы только обратить ее въ свою союзницу, онъ въ состояніи былъ теперь присоединить Великое Княжество къ своей Имперіи, такъ, чтобы Россія и Финляндія, съ точки зрѣнія международныхъ отношеній, составляли одно цѣлое. Это и являлось существеннымъ пунктомъ его политики относительно Финляндіи въ 1809 году, такъ какъ финляндскій вопросъ въ тотъ моментъ былъ для Царя только международнымъ вопросомъ и вопросомъ объ охранѣ своихъ границъ. Затѣмъ, въ силу эволюціи въ сторону крайней централизаціи власти, Россія захотѣла пойти еще дальше и уничтожить данныя ею обѣщанія, лишивъ Великое Княжество той внутренней автономіи, какую она ему гарантировала. Это обычный пріемъ русской политики, — постоянной, упорной, твердо идущей къ намѣченной цѣли, не взирая на длинные періоды ожиданія, къ которымъ ее принуждаютъ обстоятельства, и, нужно сказать это, не смотря на самыя торжественныя обѣщанія. Семнадцать лѣтъ Россія терпѣла Польскую конституцію, навязанную ей державами въ 1815 году, пока не наступилъ день, въ который она могла ее уничтожить, воспользовавшись моментомъ, когда державы, подписавшія извѣстный Актъ въ Вѣнѣ, не были въ состояніи потребовать отъ нея соблюденія статей этого Акта. — По трактату 30-го марта 1856-го года, она согласилась на нейтрализацію Чернаго Моря, для того чтобы потомъ уничтожить ее знаменитымъ, вызвавшимъ такое волненіе въ дипломатическихъ кан-

целяріяхъ, циркуляромъ Князя Горчакова, отъ 21:го октября 1870:го года, когда франко-прусская война и молчаливое соучастіе Бисмарка позволили ей сбросить съ себя эти путы, принятыя, однако, ею. Въ 1863 году, боясь вмѣшательства Европы по поводу Польскаго возстанія, она захотѣла показать, что жестоко караетъ только своихъ взбунтовавшихся подданныхъ, но что ея либерализмъ чтитъ учрежденія вѣрныхъ подданныхъ; и въ то время, какъ Польское возстаніе душилось въ потокахъ крови, Александръ II. сзывалъ Финляндскій Сеймъ и открывалъ для Великаго Княжества эру либеральной политики, конецъ которой пришелъ, когда, съ воцареніемъ Александра III, началось царство реакціи. Теперь *моментъ кажется благопріятнымъ для того, чтобы продѣлать* съ Финляндіей, хотя, правда, съ меньшей жестокостью, то, что продѣлано было съ Польшей: уничтожить національность, права которой поклялись уважать. Россія *не дуется* на преграды, которыя ставятъ ей политическая необходимость или собственныя ея обязательства, но она всегда *собирается съ силами*, ожидая благопріятнаго момента, который далъ бы ей возможность восторжествовать надъ одними изъ такихъ препятствій, или не признать другія.

Финляндія, признанная государствомъ въ то время, какъ она договаривалась о своей политической конституціи съ русскимъ Императоромъ, — самодержцемъ въ своемъ царствѣ, а по отношенію къ ней *только конституціоннымъ* Великимъ Княземъ, — Финляндія, вступившая съ Россіей въ соединеніе и ставшая въ тотъ самый моментъ государствомъ, — никогда не имѣла собственнаго, отдѣльнаго существованія, съ международной точки зрѣнія: *она, если можно такъ выразиться*, роди-

лась какъ государство, соединенное съ другимъ государствомъ, совершенно поглотившимъ ее во всемъ что касается сношеній съ другими державами. Здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго, и такихъ примѣровъ можно насчитать не мало. Вслѣдствіе государственнáго переворота 1660:го года, давшаго Королю Датскому неограниченную власть и уничтожившаго въ частности всѣ вольности Норвегіи, эта послѣдняя страна сдѣлалась простой датской провинціей. Таково было ея положеніе еще въ 1813 году, хотя тамъ существовали очень живыя традиціи былой автономіи; норвежцы желали даже полной независимости, какъ это было въ Финляндіи по отношенію къ Швеціи въ 1808 и 1809 г. г. Съ другой стороны, подобно тому какъ Россія давно жаждала получить Финляндію и даже съ начала XVIII:го вѣка уже завоевывала часть ея, такъ и Швеція рѣшила пріобрѣсти всю Норвегію и съ XVII-го вѣка начала отбивать ее отъ Даніи. Но Кильскій трактатъ 14-го января 1814:го года, по которому Бернадоттъ, сдѣлавшись наслѣдникомъ шведскаго престола (впослѣдствіи царствовалъ подъ именемъ Карла XIV), получилъ всю Норвегію, при этомъ опредѣлилъ, чтобы послѣдняя была *Королевствомъ, находящимся въ уніи со Швеціей.* Это положеніе, не говоря о модификаціяхъ, о которыхъ не для чего упомянуть, было утверждено Актами Соединенія 4:го ноября 1814:го года и 31:го іюля — 6 августа 1815:го г.[1])

---

[1]) Scheffer, Le conflit suédo-norvégien, Rev. génér. de Droit intern. public., 1899, стр. 267; Aubert, La Norvège devant le Droit intern., Rev. de Droit intern. et de législ. comp. XXVII, стр. 529 и XXVIII стр. 75; John Ask; Le conflit norvégien, Rev. du Droit publ. et de la science polit., 1894, стр. 215.

Такимъ образомъ, Норвегія, подобно Финляндіи, была повышена изъ провинціи въ рангъ государства, чтобы немедленно вслѣдъ затѣмъ очутиться въ реальной уніи со Швеціей, составивши съ нею одно юридическое цѣлое во всемъ, что касается внѣшнихъ сношеній.

Послѣ всѣхъ этихъ разъясненій, точное, — съ точки зрѣнія международнаго права, — опредѣленіе юридическаго характера связи, соединяющей Финляндію съ Россіей, представляетъ лишь теоретическій интересъ. Великое Княжество Финляндское есть безъ сомнѣнія государство, въ томъ смыслѣ, что оно, во всемъ, что касается его внутреннихъ дѣлъ, пользуется полными державными правами. Оно дѣйствительно имѣетъ свою собственную конституцію, свои отдѣльные основные законы; оно, подъ властью Императора-Великаго Князя, управляется само, по собственной инициативѣ, а не по велѣніямъ Русскаго Императора. Если послѣдній дѣйствуетъ какъ Государь Финляндіи, въ дѣлахъ общихъ для Великаго Княжества и Русской Имперіи, внѣ обстоятельствъ, предусмотрѣнныхъ финляндской Конституціей, то это дѣлается въ силу соединенія, установленнаго въ 1809 году между обѣими странами, и слѣдовательно, въ силу согласія Финляндіи; Финляндія не подчиняется, какъ русская провинція, верховной власти, насильно навязанной; она управляется принятою ею верховной властью.

Что касается международныхъ сношеній, или по принятому выраженію, правъ державности внѣшней, — или независимости, въ международномъ смыслѣ слова, то Финляндія и не имѣетъ, и никогда не имѣла ея. Будучи поглощена въ этомъ отношеніи державою русской, Великое Княжество не только представлено ею въ сношеніяхъ съ другими державами такъ, какъ если бы

оно было вассальной страной или находилось подъ протекторатомъ, но отожествляется съ Россіей до такой степени, что въ глазахъ другихъ государствъ является лишь составной частью юридической личности послѣдней. Какъ бы взгляды публицистовъ ни расходились въ этомъ отношеніи, но такое положеніе, по нашему мнѣнію, соотвѣтствуетъ типу реальной уніи, подобной союзу, существующему между Швеціей и Норвегіей.[1]) Здѣсь дѣйствительно, не можетъ быть рѣчи о личной уніи, находящейся въ зависимости отъ жизни монарха или отъ продолжительности династіи, или отъ перехода короны согласно опредѣленному порядку престолонаслѣдія: всѣ оффиціальные акты, касающіеся Финляндіи, какъ договорные, такъ и исходящіе единолично отъ Царей, подтверждаютъ, что Финляндія присоединена къ Россіи нераздѣльно и на вѣчное время.

Мы не думаемъ, что слѣдовало бы остановиться передъ тѣмъ возраженіемъ, будто реальная унія можетъ быть установлена только путемъ договора между двумя равными личностями, путемъ трактата между двумя государствами, и что Финляндія никогда не представляла личности съ точки зрѣнія международнаго права.[2]) Если хотятъ этимъ сказать, что Финляндія не могла заключать съ Россіей договора международнаго характера, потому что она не была государствомъ, то на это мы уже отвѣтили, показавши, какъ Россія сама, добровольно,

---

[1]) См. F. Despagnet, „Les difficultés internationales venant de la constitution de certains pays“, — Rev. gén. de droit intern. public. 1895, стр. 120.

[2]) Bornhak, „Einseitige Abhängigkeitsverhältnisse unter den modernen Staaten“; Leipzig, 1896, стр. 86, и „Russland und Finnland“, Leipzig 1900.

признала за ней этотъ характеръ, договариваясь съ Финляндіей. Что касается личности Финляндіи по отношенію къ другимъ державамъ, то спрашивается, какая надобность безпокоиться на этотъ счетъ, когда первымъ же актомъ Великаго Княжества, какъ государство, было слить себя съ государствомъ россійскимъ.

Чтобы покончить съ даннымъ вопросомъ, замѣтимъ еще, что образъ дѣйствій Финляндіи и Россіи въ 1809 году былъ лишь нормальнымъ примѣненіемъ принциповъ, допущенныхъ въ международномъ правѣ въ отношеніи образованія государствъ. Для того, чтобы стать государствомъ, провинція, отдѣлившаяся отъ той политической коллективности, часть которой она составляла, должна обладать всѣми элементами, необходимыми каждому государству: имѣть отдѣльную территорію, населеніе, нормальную цѣль всякаго государства, заключающуюся въ отправленіи державной власти, имѣя цѣлью общественное благо, наконецъ, органъ управленія и представительства для обезпеченія пользованія этими державными правами внѣ и внутри страны, иначе говоря, — правительство. Не подлежитъ сомнѣнію, что Финляндія, отдѣляясь отъ Швеціи, владѣла первыми тремя элементами. Что касается четвертаго, т. е. собственнаго и независимаго правительства, то она его нашла въ своемъ Сеймѣ. Но Сеймъ при шведскомъ владычествѣ былъ лишь однимъ изъ колесъ внутренняго управленія страны, подчиненное верховной власти Швеціи. Стать независимымъ правительствомъ онъ могъ въ томъ случаѣ, еслибы Швеція признала его таковымъ, или еслибы она оказалась не въ состояніи сохранить надъ нимъ свою власть. Именно первый случай имѣлъ мѣсто въ Фридрихсгамскомъ трактатѣ, по которому король

шведскій не только уступилъ Финляндію Россіи, но еще ратификовалъ и сдѣлалъ своими тѣ условія, какія Великое Княжество заключило съ Имперіею, точно какъ бы послѣднее было уже государствомъ, освободившимся отъ шведскаго владычества. Швеція ратификовала совершившійся фактъ, допустивъ тѣмъ самымъ косвенно, что Финляндія могла дѣйствовять какъ государство, въ то время, когда она легально составляла еще одну изъ шведскихъ провинцій; это являлось также признаніемъ своего рода, заднимъ числомъ, финляндской независимости.

Провинція, отдѣлившаяся отъ какой нибудь страны, не добивается отъ другихъ странъ признанія ее государствомъ раньше того, какъ этого требуютъ ея интересы и политическія отношенія къ каждой изъ нихъ. Финляндія же, освободившись, имѣла и должна была имѣть въ виду лишь свои отношенія къ Россіи, отношенія, проявившіяся въ характерѣ соединенія, о чемъ Великому Княжеству нужно было договориться съ ней. Такъ какъ это соединеніе должно было повести къ поглощенію Финляндіи Русской Имперіей во всемъ, что касается международныхъ отношеній, то отсюда и вышло, что Великое Княжество первымъ своимъ актомъ въ области внѣшней политики, уничтожило свою собственную внѣшнюю державность, и, слѣдовательно, ему послѣ того нечего было и заботиться о признаніи его государствомъ другими державами.

Если поставить вопросъ, — какимъ образомъ Россія могла договариваться съ финляндскимъ Сеймомъ, не представлявшимъ державнаго правительства, то на это можно отвѣтить, что признаніе государствомъ страны, съ которой договариваются на условіи, что она впослѣдствіи будетъ имѣть надлежащее правительство, не

является аномаліей, неизвѣстной въ исторіи дипломатіи. На Берлинской Конференціи 26:го февраля 1885:го года, Африканская Ассоціація была допущена къ подписанію окончательнаго Акта и признана государствомъ „только на томъ условіи, что она озаботится обзавестись надлежащей правительственной организаціей.“ Это условіе было выполнено, при чемъ вышеупомянутый Актъ получилъ силу обратнаго дѣйствія, когда Бельгійскій Парламентъ далъ Королю Бельгійскому полномочіе соединить въ своемъ лицѣ и званіе Короля Конго въ видѣ личной уніи и когда онъ, 1:го августа 1885:го года, извѣстилъ о своемъ новомъ титулѣ другія державы.[1]) Въ 1809 году, на сеймѣ въ Борго, Финляндія договаривалась какъ государство, существованіе котораго, какъ таковаго, было подчиено условію имѣть независимое правительство, каковое долженъ былъ представить именно Императоръ Россійскій, — по званію его Великаго Князя Финляндскаго; такъ что договоръ о соединеніи явился осуществленіемъ, — съ силою обратнаго дѣйствія, — того самого условія, которое должно было довершить дѣло о бытіи Финляндіи государствомъ.

---

[1]) См. Archives diplomatiques, 1885, III, стр. 269—272, стр. 294 и II, стр. 222—230.

Съ выводами этого изслѣдованія согласились слѣдующія лица:

J. Aubry, — Профессоръ международнаго права въ Университетѣ въ Реннѣ.

Louis Borde, — Профессоръ конституціоннаго права въ Университетѣ въ Монпелье.

Eugène Barrême, — Профессоръ международнаго права въ Марсельскомъ Свободномъ Юридическомъ факультетѣ.

Ludovic Beauchet, — Профессоръ въ Университетѣ въ Нанси, Членъ Института Международнаго Права.

R. Beudant, — Профессоръ конституціоннаго права въ Университетѣ въ Гренободѣ.

A. Gairal, — Профессоръ международнаго права къ Католическомъ Факультетѣ въ Ліонѣ.

Ch. de Lajudie, — Профессоръ конституціоннаго права на Католическомъ факультетѣ въ Ліонѣ.

H. Moulin, — адъюнктъ-профессоръ международнаго права въ Университетѣ въ Дижонѣ.

M. Moye, — адъюнктъ-профессоръ международнаго права въ Университетѣ въ Монпеллье.

P. Pic, — Профессоръ международнаго права въ Университетѣ въ Ліонѣ.

F. Surville, — Профессоръ международнаго права въ Университетѣ въ Пуатье.

J. Timbal, — Профессоръ конституціоннаго права въ Университетѣ въ Тулузѣ.

Léon Duguit, — Профессоръ конституціоннаго права въ Университетѣ въ Бордо, спеціально мотивировалъ свое согласіе слѣдующимъ образомъ:

„Я вполнѣ и безъ всякихъ оговорокъ присоединяюсь къ выводамъ, развитымъ моимъ ученымъ товарищемъ, Despagnet, и къ доводамъ факта и права, на которыхъ онъ основываетъ эти выводы. Прибавлю только слѣдующее: если, не смотря на эти ясныя доказательства, будутъ продолжать утверждать, что Финляндія не имѣетъ характера государства, что никакого обязательнаго для Россіи договора не существовало, а было лишь милостивѣйшее пожалованіе извѣстныхъ льготъ, могущихъ въ каждый моментъ быть взятыми обратно, — то такое утвержденіе несостоятельно и фактически и юридически. Фактически, — характеръ государства былъ признанъ за Финляндіей въ повторныхъ клятвенныхъ обѣщаніяхъ русскихъ Императоровъ, начиная отъ Александра I-го и кончая Николаемъ II-мъ. Юридически — простое единоличное обѣщаніе, формулированное съ намѣреніемъ исполнить его, связываетъ того, кто далъ такое обѣщаніе, на столько же сильно, какъ договоръ; оно связываетъ Императоровъ и Королей совершенно также, какъ простыхъ частныхъ лицъ.

Во Франціи, хартія 1814:го года исходила отъ единоличной воли Людовика XVIII:го; она безспорно обязывала монарха, который ее далъ и его наслѣдника, поклявшагося въ вѣрности ей, также строго, какъ и договорная конституція. Если бы правители могли произвольно отказываться отъ сдѣланныхъ ими юридическихъ обѣщаній, то не было бы больше государственнаго права.